

Андрей
Курков
ГЕОГРАФИЯ ОДНОЧНОГО ВЫСТРЕЛА

СКАЗАНИЕ
ОБ ИСТИННО НАРОДНОМ
КОНТРОЛЕ

FOLIO

География одиночного выстрела

Андрей Курков

**Сказание об истинно
народном контролере**

«Фолио»

2000

Курков А. Ю.

Сказание об истинно народном контролере / А. Ю. Курков —
«Фолио», 2000 — (География одиночного выстрела)

"Сказание об истинно народном контролере" – первая книга фантастической трилогии А. Куркова "География одиночного выстрела". Герой романа Павел Добрынин был человеком своенравным, как электричество, но на удивление абсолютно честным. Поэтому-то выбрали его на общем колхозном собрании "бессрочным трудовым контролером всего в Советской стране". И пошел по необъятным просторам народный контролер, встречая на своем пути личностей необыкновенных: урку-емца Ваплахова, попугая-декламатора Кузьму, ангела-дезертира из Рая и многих других. Ангел же не просто так по свету ходил, а искал праведника, которого убьет его пуля, и тогда прекратятся на земле все войны и безобразия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	23
Глава 8	33
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Курков

Сказание об истинно народном контролере

Глава 1

Перебрехивались через дворы сельские псы, гремя цепями и возвещая наползающий сверху вечер. Кто-то тупым топором колол дрова, готовясь к грядущей зиме. С дальнего края села доносилась пьяная мужская ругань. Голос был до того осипший, что от него самого на расстоянии шел сивушный запах. Под потолками изб вспыхивали лампочки Ильича, но светили они не ровно, а как-то волнобразно, подчиняясь своему равному электрическому потоку, который по проводам, жужжащий от напряжения, забирался в каждую колхозную семью, как невидимый тайный враг.

Горела такая лампочка и на центральной площади села, как раз между клубом и правлением колхоза. Свет от нее колыхался то в одну сторону, то в другую, раскачиваемый несильным в ту пору ветерком. И прямо в этот колышущийся свет вывалила из клуба по-деловому шумливая толпа колхозников. Прошла сквозь него и разбрелась по домам, неся в каждый дом новые мысли и новый смысл продолжающейся по-старому жизни.

Устало ступал к своему дому и Павел Добринин – человек своеенравный, как электричество, но на удивление честный и из-за этого в колхозной округе нелюбимый. Ступал и дивился, как тяжело давался ему этим вечером каждый шаг. Дивился, как трудно было дышать и как враз потускневшие, словно пристыженные, звезды едва-едва мерцали на безоблачном небе. Так и шел он, медленно, растягивая во времени свой путь, слушая неорганизованный собачий хор и выделяя в нем лай своего пса Дмитрия, а по-простому – Митьки. Пес Митька в чем-то был похож на хозяина, должно быть в том, что ни одна сельская собака его не жаловала, хоть и сторожем, и кобелем он был отменным.

Скрипнула калитка, и еще громче и радостнее залаял пес, учувя хозяина.

Зайдя во двор, Павел не заспешил в дом, а подошел к окну, да так и замер, глядя, как его любимая жена Маняша укачивает на руках трехмесячного Петьку. Постояв так некоторое время, Павел перевел свой взгляд на небо и, дождавшись падения какой-то, по-видимому не очень важной и нужной звезды, загадал сокровенное желание и только тогда открыл дверь и вошел в дом.

Жена бессловесно обрадовалась, увидев мужа. Стояла, смотрела, как он стаскивает с ног сапоги. Потом, спохватившись, метнулась к печке и сунула поближе к жару чугунок с мужниным ужином.

– Ну, о чем на собрании говорили? – нарушила уютную домашнюю тишину Маняша.

Павел тяжело вздохнул. Помолчал, потом все-таки произнес, старательно подбирая слова:

- Трудную честь мне оказали…
- Как это? – напуганная непонятной фразой мужа, спросила жена. Павел перевел дух, сгорбился, присел за стол.
- Контролером меня выбрали.
- Это в колхозе, что ли?
- Нет. – Павел мотнул головой и снова вздохнул. – В целой стране.
- Как же это?
- Да вот, возьми, прочитай! – Павел протянул ей бумажку со значительной лиловой печатью правления колхоза.
- Прочитай сам, – попросила Маняша. – Я ж, знаешь, не больно грамотная…

— «Сим удостоверяется, что Павел Александрович Добрынин на общем колхозном собрании выбран бессрочным трудовым контролером всего в Советской стране. Ему присвоена должность «народный контролер», и подчиняется он непосредственно высшему руководству страны. Руководители учреждений и заводов, подвергаемых контролю, обязаны кормить народного контролера и оплачивать его труд согласно его потребностям и затраченному на контроль времени».

— Как же это? — спросила Маняша, а в глазах уже заблестели слезы. — Как же это? Ведь значит усылают тебя! Господи! Это ж они нарочно усылают тебя!

— Да нет, — протянул неуверенно Павел. — Это честь... Выбрали ведь. Потом сменят, тогда и вернусь... А ты детишек береги.

Услышав про детишек, Маняша разрыдалась, и, проснувшись из-за этого, закричал-заплакал вместе с ней и трехмесячный Петька.

Павел сам почувствовал, что вот-вот нальются и его глаза слезами, и сжал посильнее кулаки, чтобы хотя бы так сдержать себя.

Утром он уходил. Из района прислали подводу. На облучке сидел старик-коротышка метра в полтора ростом. Курил самокрутку и поглядывал на порог дома, где Павел прощался со своей женой.

Прощание было тягостным. Маняша всю ночь не спала — собирала мужу котомку, и собрала-таки.

— Ну я пойду, — наконец решительно проговорил Павел, желая кончить разом все эти неизбежные страдания.

— Постой! — жена вдруг всплеснула руками и побежала за дом, к дровяному сараю.

«Чего она еще там?» — подумал Павел, но уже через полминуты увидел Маняшу снова. В глазах у нее по-прежнему были слезы, а в руках — топор.

— Вот, возьми в дорогу! — попросила она.

— Да ты чего? — удивился Павел. — Топор? На что он мне там?

— Возьми-возьми! — настаивала жена. — Как же ты там без ничего будешь, без инструмента... А если бандиты?

— Ладно. — Павел взял топор, забросил котомку на плечо и пошел к подводе.

Маняша шла следом, но шаг ее был сбивчив, дороги пред собой она не видела, потому как лицо закрывала руками и плакала. Оттого остановилась она где-то между домом и калиткой и застыла так.

— Ну, пшила! — рявкнул старишок-коротышка на свою лошадь, и застучали деревянные колеса по заезженной земляной дороге.

Глава 2

Солнце, обежав полукруг по небесному циферблату, окунуло лучи свои за край горизонта, туда, где начиналась бездна. А на земле, укутанной в вечернюю темень, всякая жизнь зевала, готовилась ко сну, возрождающему силы; и даже растения закрывали свои цветы, чтобы не кружились, жужжа, вокруг них насекомые, не испытывающие усталости и необходимости сна из-за скротечности их жизни. Все останавливалось, все замирало, кроме движения воздуха, подталкиваемого дыханием людей и зверей.

И вот в этой тишине на землю опустился ангел. Опустился, огляделся по сторонам, и, убедившись в спокойствии окружающего мира, прилег на траву. Враз дала о себе знать усталость – ведь путь вниз не был легок и быстр. И, сомкнув глаза, ангел увидел сон, который и сном-то почти не был, потому что все, увиденное им, было воспоминанием об этом трудном дне, когда наконец решился он покинуть братьев и сестер своих, одетых в такие же белые одежды, как и он, покинуть Рай, чтобы опуститься на эту загадочную землю, огромную и таинственную, о которой никто из его теперь уже бывших собратьев ничего не знал, кроме того, что жители ее после смерти в Рай не попадают. Может быть, с этого странного знания и началась его мечта о путешествии сюда, но не обычное любопытство заставило его пуститься в столь трудный путь – не верил он, что в такой большой стране нет праведников, но доказать это не мог, ведь если бы были праведники, то и ворота Рая всегда были бы открыты для них. И вот, не веря в то, что для других жителей Рая казалось бесспорным, решил он опуститься сюда, найти настоящего праведника и, пройдя с ним его мирской путь до конца, ввести его в белые, украшенные жемчугами и алмазами ворота, ввести и получить от братьев и сестер своих прощение за то, что покинул он райскую землю самовольно и тайком.

А звезды разгорались ярче, пользуясь отсутствием дневного светила, которое тоже на месте не стояло и прошло уже до середины полукруга нижнего, невидимого отсюда, небесного циферблата.

И сон, который и сном-то не был, окончился, окунув ангела еще глубже внутрь себя, позволив ему слушать удары собственного сердца и плеск крови своей, текущей неспешно по его чистым венам.

И вдруг жаркое дыхание чужое потревожило его слух, и шепот, вкравшийся в уши, разбудил ангела.

– Товарищ... – шептал кто-то. – Товарищ, не спи!

Ангел открыл глаза и, приподнявшись, уселся на траве.

Посмотрел на говорившего. Перед ним, опустившись на корточки, сидел кудрявый парень.

– Товарищ, – снова прошептал он. – Давай одеждой поменяемся! Я тебе еще буханку хлеба в добавок дам. А? Идет?

Подивился ангел такому предложению. Посмотрел на одежду парня: зеленые штаны и такая же рубаха, на ногах – сапоги.

– Но у меня только такая одежда! – сказал ангел, приподняв белую тонкую ткань. – Тебе в ней не будет тепло.

– Ничего, – парень махнул рукой. – Ну что, сменяемся?

Ангел пожал плечами. Потом кивнул. Парень снянул рубаху через голову, потом стащил сапоги и штаны.

Ангел снял свою одежду.

– А как ее одевать? – непонимающе спросил парень, держа в руках белое одеяние.

– Там вырез для головы есть, – пояснил ангел.

Найдя вырез, парень просунул в него голову и расправил на себе белый ангельский наряд. Потом быстро обул сапоги.

– А обувь? – спросил ангел.

– Не-е, – протянул кудрявый парень. – Мы так не договаривались. Одежду на одежду сменяли, а сапоги – это не одежда, это сапоги…

– Ну ладно, – согласился ангел. – А скажи, такую одежду все здесь носят?

– Почти все, – парень кивнул. – Только я с гимнастерки петлицы оторвал…

– А что это – петлицы? – поинтересовался ангел.

– А-а, да ты не знаешь! Тогда лучше и не знать. Вот тебе хлеб, и счастливо оставаться!

Он положил на землю перед ангелом небольшую круглую буханочку, поднялся на ноги и пошел прочь.

Ангел смотрел ему вслед долго, потому как белое пятно его одежд светилось, удаляясь, среди деревьев и кустарников. Потом, когда парень совсем исчез в поглотившей его ночи, ангел взял в руки хлеб, преломил его и один ломоть поднес ко рту. Откусил, пожевал, и стало на душе тревожно. Хлеб был невкусным – совсем нельзя было сравнить его вкус с белой, выпекаемой в Раю палкинейцей. Во рту он разделился на какие-то комочки, разжевать которые было невозможно. И, в конце концов сплюнув неразжеванный хлеб на землю, пожалел ангел людей, этот хлеб едящих. Пожалел, вздохнул тяжело, как никогда прежде не вздыхал, и улегся лицом к небу. Улегся и стал ждать утра, чтобы при солнечном свете рассмотреть эту таинственную землю.

Вскорости утро наступило, разбудив птиц и все живое. Ангел встал и осмотрелся: видно стало ему, что оказался он в небольшом лесочке, где деревья росли не густо, а чередовались с невысоким кустарником. Вблизи увидел три узенькие тропинки, бегущие в разные стороны. Понял, что где-то рядом живут люди, по этим тропинкам ходящие. И пошел ангел по одной из них, чтобы к людям выйти.

А птицы пели так чудно, словно шел он по райскому саду. Впереди вдруг показались всадники. Было их не больше десятка: молодые, красивые, одетые в такую же зеленую одежду, какую сменял он этой ночью на свое белое одеяние.

Сошел ангел с тропинки, чтобы пропустить двигавшихся ему навстречу всадников. Но они, оказавшись рядом, окружили пешего странника и смотрели на него враждебно.

– Кто такой? – рявкнул один из них, покручивая правой рукой свой длинный ус.

– Ангел… – оторопело ответил пеший странник.

– А? Слыхали? – расхохотался вдруг усатый. Потом резко сменил выражение лица на злое. – А ну руки вверх, сволочь! Я тебя щас точно на небо отправлю, тогда и будешь ангелом!

И всадник вытащил из поясной кобуры тяжелый маузер, нацелился, а потом отклонился от своей руки в сторону, ехидно глядя на ангела, словно проверяя: испугался тот или нет.

– Почему вы убить меня хотите? – спросил озадаченный ангел.

– А почему на тебе военная форма с оторванными петлицами? Сам дезертир или убил кого из наших и снял потом? А? Отвечай живо!

– Одеждой ночью поменялся, – отвечал пеший странник. – Парень такой кучерявыЙ, просил очень… Он мне еще хлеба буханку дал.

– КучерявыЙ?! – усатый всадник вдруг стал мрачным, как камень. – А ну дай-ка того хлеба!

Ангел протянул ломоть всаднику. Тот откусил, пожевал аппетитно и обвел всех прищуренным взглядом.

– Сергуньков? – спросил один веснушчатый паренек, что сидел на совершенно черной лошади.

– Да… – выдохнул усатый. – Эта падла! Теперь его хрен найдешь! Не-е, приятель, – повернулся всадник к ангелу. – Хватит болтать! Давай, с жизнью прощайся! Ты, видать, и сам дезертира спас!

И усатый всадник снова нацелил свой маузер на пешего странника.

– Но вы не можете меня убить, – проговорил ангел. – Меня вообще нельзя убить…

– Всех можно убить, – холодно, сквозь зубы проговорил усатый.

И спустил курок. Грязнул выстрел, но ангел, выставив вперед ладонь, остановил пулю, и застыла она в воздухе прямо перед белой ладонью, а всадники, раскрыв рты, смотрели на нее. И ангел смотрел на нее, и взгляд его становился все холоднее и холоднее.

– Если уж ты вырвалась в мир, – заговорил он, глядя на пулю, – то не будет от тебя спасенья ни одному человеку, пожелавшему зла другому, и если все на этой земле злом объединены, то и погибнут все, а если не все – то останутся в живых только добра друг другу желающие. А если тебе самой надоест убивать, то убей праведника, и станет он последним, а ты останешься в нем.

И, произнеся это, опустил ангел руку, и пуля, бжикнув, понеслась куда-то не высоко и не низко над землей, пробивая и листья, и стволы деревьев.

Пораженные всадники стояли неподвижно, и даже лошади их, казалось, затаили дыхание.

Ангел развернулся и пошел, понуря голову, по тропинке в том же направлении, что и до встречи с этими людьми, пошел вслед за пулей.

Горечь испытывал он от происшедшего, и уже сожалел о том, что своею силою отправил нацеленную на него пулю творить суд. Но остановить ее он уже не мог, как не смог бы слово в слово повторить то, что когда-либо говорил, или второй раз прожить то, что однажды уже было прожито.

Глава 3

Когда телега выехала из села и по обе стороны дороги улеглись колхозные поля, возчик обернулся к Павлу и, приидирчиво буравя его взглядом, спросил:

– Нешто ты и есть тот самый, что самым справедливым станет?

Удивленный вопросом, Павел пожал плечами.

– Не хошь – не говори, – сказал через минуту, так и не дождавшись ответа, старик-возчик и снова повернулся лицом к дороге. – Если станешь – все одно узнаю. О справедливых слава враз по всей земле идет. Хоть фамилию свою назови, чтоб знать: тебя вез али нет.

– Добрынин, – негромко произнес Павел.

– Хорошая фамилия, – кивнул, не оборачиваясь, возчик. – Богатырская. А я у вашего колхозного бригадира ночевал, вот он мне и говорил вечером про тебя – честный, говорил, до глупости. А я его этих слов не одобрил. Я ему так сказал: честность – она не от глупости, а от совестности, когда человеку чужого не надо и своего не жалко. Я ему так и сказал. А он не согласился. Вот тогда я и подумал – и почему это в нашей стране так мало народ честность в себе уважает? А?

– Не знаю, – признался Павел.

– Вот и я не знаю. А ведь я тоже народ, и тоже не очень в себе эту честность уважаю. В других уважаю, а в себе – не очень. Вот и вчера вечером… Ну выпили мы с этим бригадиром, а он мне такую маленькую книжечку показывает – сам Ленин, говорит, написал. Ну а я глаза выпутил – я ж про Ленина слыхал, – и вот когда бригадир в погреб полез за огурчиками солеными, взял я эту книжульку и под рубаху спрятал. Украл, в общем. А зачем? Ведь неграмотный я. И старуха моя неграмотная. Вот еду теперь и мучаюсь. Хоть и не очень, если по правде…

– Нехорошо это, – вздохнул Павел.

– Да знаю я, знаю, – вздохнул в ответ старик. – А что ж теперь делать?

– У вас в районе школа есть? – спросил Павел.

– Конечно.

– Ну, тогда возьми и отдай ее в школу, чтоб дети читали. Там-то она пользу принесет, – рассудительно сказал Добрынин. – Да и бîльшую, чем в бригадирском доме.

– О-о-о… – задумчиво протянул возчик. – А и на самом деле мудро… и справедливо… Так и сделаю. Тебя сперва отвезу, а потом сразу в школу, я там эту, что грамоте учит, знаю. Ей и отдам.

Ехали они еще долго – лошаденка была старой и едва переставляла ноги. Телега для нее была, все равно что две сти вагонов для слабосильного паровоза. Старик то молчал, то говорил что-то, но уже не про честность, а так, из обычной жизни. А Павел в минуты тишины думал настороженно о своем будущем, а в другие минуты слушал старика, который больше к нему не оборачивался, а рассказывал все, глядя вперед на дорогу. Так, через некоторое время приблизились они к первым избам районного села. Старик тут же сообщил Павлу, что до революции в их селе больше ста хозяйств было, а сколько их сейчас – он не знал, но колхозное хозяйство у них большое, хоть и неуклюжее.

Остановились у избы с красным флагом на крыше. Из торчавшей к небу кирпичной трубы, к которой и была привязана жердь с флагом, валил дым, густой и клочковатый, как от сгорания сырого угля. Дым летел вверх и приподнимал собою кумач флага, а оттого снизу казалось, что и флаг – черно-красный.

– Прибыли, – сказал старик, спрыгнув с телеги. – Заходь туда, спросишь секретаря Коваленкова. А я в школу поеду! Счастливо!

Павел поднялся на порог секретарской избы и оглянулся. Старик стоял перед лошадью, поглаживая ее и строго заглядывая животному в глаза. В избе пахло псиной. Сразу же в сенях к

стене была приколочена длинная доска со вбитыми и подогнутыми кверху гвоздями. На одном гвозде висела шинель, на другом – заляпанный глиной ватник.

Подошел Павел к двери, неплотно закрытой, и постучал.

– Чего там? – пробасили оттуда.

Зашел и оказался в бывшей просторной горнице, превращенной в ответственный кабинет. Вместо икон в красном уголке висел портрет Ленина, наклеенный на кусок картона. Портрет этот был знаком Павлу – напечатали его в газетах по какому-то важному поводу.

– Ну, здравствуйте! – привлек к себе внимание посетителя плотный мужчина, сидевший за столом. – Вы ко мне?

– Я... Меня в контролеры выбрали...

– А-а, ну да, мне уже звонили. Павел Александрович Добрынин. Да?

Павел кивнул. Мужчина неожиданно встал и протянул Павлу широченную и мозолистую ладонь.

– Рад с вами познакомиться, – сказал он.

Павел пожал секретарскую руку. После этого сел на стул.

– Вот что. – Коваленков тоже сел на свое место. – Мне поручено инструктаж с вами провести. Предварительный, так сказать, так как вся ответственность ляжет на ваши плечи и инструкций, чтобы справиться с нею, может не хватить. Трудно учесть все ситуации, какие, знаете, случаются... Но вы не волнуйтесь. Прежде всего изучите это!

И Коваленков протянул Павлу тонкую брошюру. Это была статья Ленина «Рабочий контроль». Павел раскрыл ее и на второй странице увидел чью-то неразборчивую подпись.

– Это он сам подписал? – спросил, показывая, у секретаря.

– Нет, это областной секретарь Павлюк. Вам на память.

– Спасибо, – сказал Павел.

– Да это мелочи. Если бы знали, товарищ Добрынин, как я вам завидую... – и секретарь Коваленков покачал головой, по-доброму глядя на Павла. – Я бы и сам хотел стать контролером, я ведь ответственность люблю! Вот только возраст у меня уже не тот. Да и силы не те... Вы не против у меня переночевать, машина ведь за вами только утром придет?

Павел согласился. Дом у секретаря был просторный. Из-за чистоты деревянного пола Павел стащил с ног сапоги и, размотав портянки, босиком прошел в горницу.

– Красиво тут, – похвалил он обстановку.

– Да, я порядок во всем люблю, – кивнул хозяин. Секретарь усадил Павла за стол, а сам разбудил жену, как оказалось, прикорнувшую в другой комнате, и она, поздоровавшись с гостем, прошмыгнула на двор за свежими овощами.

– Только с работы вернулась, – оправдывался за нее секретарь. – Доярка она, встает ни свет ни заря, вот и устала, конечно.

Вечер наступил быстро. Ясное дело, пили они с секретарем, но не молча и угрюмо, как пили люди раньше, до революции, а живо и с разговорами, так, чтобы польза развитию человеческому от этого была. Жена у Коваленкова отличалась хорошим нравом и послушностью, а когда зашел разговор о животноводстве – так и свое мнение вставила, что очень понравилось Павлу. Сказала она, что ему, как контролеру, при проверке животноводческих хозяйств необходимо будет проверять наличие чистоты на рабочих местах доярок и особенно чистоту их рук, потому как некоторые руки моют только после работы, а коров за вымня берут грязными руками, а ведь коровы тоже чистоту любят и у таких доярок потом доиться отказываются.

Утром с непривычки у Павла побаливала голова, но заботливый секретарь поднес ему стакан крепкого рассола, и сознание у гостя прояснилось.

Одевшись, он выглянул на улицу, где сияло солнце и природа все еще бодрилась, несмотря на приближение похолодания. Прямо за воротами стоял чистенький черный автомобиль. В кабине у руля дремал водитель, одетый в коричневую кожанку.

— Это за вами! — из-за спины донесся голос Коваленкова. — Спазаранку прислали, шофер, бедный, даже не выспался.

— Ну тогда пускай поспит... — проговорил Павел, которому не очень-то хотелось покидать гостеприимный дом, да и тревожило его то, что на неизвестное время покидал он родные места и свою семью. И хоть понятна была необходимость происходящего, но внутри все-таки сидел у него маленький такой человечек, для которого чувство ответственности было чужеродным и который любил жену Маняшу сильнее Родины, за что и попадало ему в мыслях от Павла очень часто, если не сказать, что почти каждый день. Вот и теперь обозвал Павел этого человечка внутренне таким словом, какое еще ни разу вслух не произносил. И затих человечек, замолчал, притаился, обиженный.

А на улице сияло солнце. Погода была беспредельно оптимистической, полностью созвучной времени. Вышел Добрынин во двор и пошел прямо к машине.

— Счастливо! — крикнул ему в спину секретарь, стоявший на пороге своего дома.

Павел оглянулся и махнул рукой на прощанье. Водитель сам открыл дверцу автомобиля и, когда пассажир уселся, завел мотор.

Глава 4

Дезертир Сергуньков, путаясь в своем новом странном одеянии, брел по ночному лесу. В душе он был спокоен, зная леность своих бывших сослуживцев из отдельного красноармейского отряда по поимке беглых колхозников. Однако безветрие лишило лес его привычного шума, а тишина, наступившая взамен, настораживала, и особенно было неприятно Сергунькову слышать, как трещали под его ногами ветки. Каждый раз после такого треска замирал бывший красноармеец на месте, беспрестанно крутя головой по сторонам. Но вокруг, в подсвеченном луной полумраке, стояли лишь неподвижные стволы деревьев, которые порою тоже пугали, потому как казались притаившимися врагами.

Так и шел Сергуньков, жалея о буханке хлеба, которую он, должно быть по глупости, добавил к своей форме при явно неравном обмене. Во всем виновата была ночь, ведь будь на земле больше света – никогда бы он не сменял добротную красноармейскую форму на эту белую мануфактуру с вырезом для головы. Но дело было сделано, и если б не пустой до неприятности желудок, можно было бы думать о чем-нибудь другом.

Опять треснула под ногой ветка, и опять застыл Сергуньков, выжидая. И услышал эхо далекого выстрела, отчего мурашки пробежались по коже. Спокойствие покинуло его, а тут еще после этого растаявшего в ночи эха осталось какое-то едва уловимое жужжание, которое, казалось, становилось все громче и громче и вдруг превратилось в свист пули, отчего Сергуньков сразу бросился на землю и вжался в нее.

А свист продолжался, но был он не таким резким, как обычно при стрельбе, а скорее напоминал посвистывание. И, подняв голову, дезертир увидел пролетавшую над ним пулю. Она летела настолько медленно, что напуганный Сергуньков сумел проводить ее взглядом, а под конец и заметить, как она вдруг чуть повернула налево и устремилась вверх, к сосновым кронам.

Из-за всего увиденного взяла Сергунькова оторопь, и, опустившись на землю, подняться он не мог. Возвратившаяся тишина не успокаивала его, не отвлекала его мысли, клочковатые и несобранные, от этой странной пули. И так сидел он, пережидая ночь. Сидел, то впадая в нетвердую дрему, то вдруг просыпаясь по причине внезапной дрожи, вызванной ночной прохладой. И вот, проснувшись в очередной раз и поежась от этой прохлады, он явно услышал треск веток и затаил дыхание. Треск затих, но тут же до его ушей донесся какой-то другой звук. Весь напрягшись и взглянувшись в темноту, Сергуньков увидел приближающиеся к нему три белых пятна. Захотел было вскочить и бежать, но силы покинули его, и от огромной обиды на свою неудачливую судьбу он заплакал. Плача, заметил, как на земле перед ним остановились две босые ступни. Поднял голову и встретился с твердым и недружелюбным взглядом высокого широкоплечего мужчины, одетого в нечто белое. За спиной мужчины стояли еще двое.

– Вставай! – сказал мужчина холодным, вызывающим дрожь голосом. Сергуньков медленно встал. – Ты понимаешь свою вину? – спросил, уставившись Сергунькову прямо в глаза, мужчина в белом.

Дезертир кивнул. Ощущение близкой смерти холодило ноги. Бил озноб. И снова пришла глупая в этот момент мысль о буханке хлеба, отданной в чужие руки.

– Ладно, – устало сказал мужчина. – Мы с тобой там поговорим! – и он кивнул на небо, где все еще висела луна и только цвет ее чуть-чуть изменился – к бледной желтизне прибавился почему-то кровавый подкрас.

Сергуньков тоже посмотрел на небо, на луну. И подумал о маме, живущей во Пскове.

– Иди за мной, – приказал мужчина в белом, и дезертир послушно пошел. Двоих других мужчин шли по обе стороны от него, и именно из-за этого понял Сергуньков, что попал не

к красным, а к кому-то другому, потому что в Красной Армии конвоирующие идут всегда за спиной арестованного. Но это открытие не обрадовало его.

– Зачем ты это сделал, брат? – спросил вдруг шепотом конвоир в белом, тот, что шел справа.

Сергуньков пожал плечами. Не будет же он им в самом деле говорить, что соскучился по дому, что в последнем письме от мамы узнал о повальном тифе, охватившем его город, и о том, что Любка, выросшая вместе с ним на одной улице, уехала с каким-то заезжим артельщиком, оставив его без надежды на грядущую семейную жизнь.

Мысли прервались, когда Сергуньков споткнулся, и если бы не левый конвоир, лежал бы он уже на земле.

– Осторожнее, – сказал поддержавший его. – Здесь ступеньки.

Всю дорогу глядя только себе под ноги, Сергуньков и не думал, что они уже вышли из леса и куда-то пришли. Но состояние его было таково, что любопытства поднять голову и оглянуться по сторонам не возникало. И так же, с тем же смиренным видом поднимался дезертир по ступенькам, сожалея о краткости и бессмысленности своей жизни. Поднимался, переворачивая в голове одни и те же скорбные мысли, пока вдруг не услышал такой тосклиwyй иозвучный его душе собачий вой. Долетел этот вой откуда-то снизу, и посмотрел Сергуньков, не поднимая головы, чуть в сторону, мимо ступенек. И увидел бездну.

А собака, взыввшая на луну и на что-то белое, двигавшееся по небу пониже ночного светила, заскулила негромко и вернулась в свою конуру, зацепив лапой и чуть не перевернув стоявшую тут же миску с вонючей картофельной похлебкой.

Глава 5

Ехали они долго и молча. Шофер только один раз бросил уважительный взгляд на пассажира, но тут же возвратил его на дорогу, которая к тому времени стала уже поровней и в смысле поверхности, и в смысле перспективы.

Павел хотел разговориться с шофером, чтобы узнать от него что-нибудь о городе, куда они ехали, и вообще о шоферской жизни, но сам начать разговор как-то не решался. Все-таки шофер был очень занят управлением автомобиля, и, по разумению Павла, отвлекать его от этого серьезного занятия было нельзя.

А тем временем и сам город показался впереди, и не прошло и десяти-пятнадцати минут, как пассажир, забыв о шофере, разглядывал в окна автомобиля настоящие двух- и трехэтажные каменные дома, виденные прежде только на фотографиях в газетах да на открытках. Но все же настолько разнились эти настоящие дома от тех фотографических, что затаил Павел дыхание, разглядывая их. И особенно поражали его окна, все одинакового размера, но с разными занавесочками. И под каждым таким домом было разбито по клумбе, а в центре некоторых клумб прямо цветами росли портреты выдающихся деятелей эпохи. От всего увиденного у Павла чуть закружила голова, и он, совершенно ошеломленный, только и сделал то, что покачал ею же, выражая таким образом свое восхищенное состояние.

— Да, — кивнул согласившийся с ним шофер, который получал особую радость именно от таких пассажиров, впервые видевших из его автомобиля достижения и красоты городской жизни. — А вы еще центральную площадь не видели...

Надо сказать, что центральной площади они так и не увидели, так как перед выездом на нее дорога оказалась перекопана — прокладывался вакуумный мусоропровод, по которому весь мусор города должен был вскоре выбрасываться на дальнюю окраину. Об этом им сообщил подошедший к автомобилю человек в спецовке. Он же и посоветовал, какой дорогой лучше доехать до нужного шоферу места.

Когда машина уже отъехала от человека в спецовке, шофер негромко выругался, сравнив вышеупомянутого человека с одним натуральным удобрением. Обиделся шофер оттого, что человек в спецовке подумал, будто ему, шоферу, неизвестны дороги города.

Но Павел, все это время предававшийся наблюдению из окна, не обратил внимание на сквернословие, раздавшееся в автомобиле.

Вскоре они приехали. Машина остановилась перед красивым величественным зданием этажа в четыре, украшенным высоченными колоннами. На крыше развевался огромный красный флаг, хотя и показалось Павлу, что на улице ветра не было.

Шофер завел Павла внутрь здания, а там его встретили сразу три человека в аккуратных темных костюмах и при галстуках. Они радостно пожали руку Добрынину и повели его вверх по, казалось, бесконечной мраморной лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой. Остановились на третьем этаже.

Там их встретил дежурный по этажу в военной форме и в звании лейтенанта.

— Секундочку, — сказал он и ушел за угол по коридору.

Минуты через две он вернулся.

— Товарищ Павлюк ждет вас, — доложил лейтенант.

Павел и трое сопровождавших, пройдя по коридору, зашли в большущий кабинет, где их и встретил товарищ Павлюк.

Товарищ Павлюк, одетый в клетчатый пиджак и коричневые брюки, был орденоносцем. Был он, как и секретарь Коваленков, плотной наружности, но вид имел более строгий, даже когда улыбался.

Сперва он показал Павлу свою коллекцию самоваров, подчеркнув при этом, что «разумный патриотизм должен в чем-то проявляться». Потом пригласил выпить чая за его широким столом.

– Вот за чаем мы вас и утвердим! – сказал доброжелательно товарищ Павлюк, присаживаясь на свое кресло во главе письменного стола.

Павел бросил на него недоуменный взгляд, который хозяин кабинета сразу понял и поэтому объяснил:

– Дело в том, товарищ Добрынин, что вас выбрали, так сказать, на самом низком уровне, потом вы были в районе у товарища Коваленкова, и должен сказать, что вы ему понравились. Так что он утвердил вас и даже вам, наверно, не сказал об этом. Теперь мы должны утвердить вас как область, и потом уже последняя инстанция… ну, вы знаете какая…

Павел кивнул.

– Но вы не думайте, что мы не доверяем решению вашего колхозного собрания! Такая процедура, понимаете?! Мы ведь вам даже вопросов не задаем… Кстати, вам передали мой подарок?

– Какой? – спросил Добрынин.

– Ну, книжку Ленина с моей подписью?

– Да, конечно, спасибо большое… – затараторил Добрынин.

– Ну, я еще не окончил… Итак, процедура такая, понимаете? – продолжал товарищ Павлюк. – Я вот сейчас при вас спрошу членов партбюро: вам нравится товарищ Добрынин? – И товарищ Павлюк обвел пытливым взглядом троих в костюмах.

Они кивнули.

– Вот видите! – обрадовался хозяин кабинета. – И мне вы сразу понравились. Смотрю – русский человек, открытое лицо, добрая располагающая улыбка. Ну просто идеальный контролер. Вот мы вас и утвердили. А теперь чай и бублики!

Молодой парень, по виду комсомолец, занес в кабинет поднос с румяными бубликами и большой медный чайник с кипятком. Потом в каждую чашку на столе товарищ Павлюк лично всыпал по щепотке чайной заварки.

– Доложите-ка мне о состоянии дел на уборке урожая! – обратился, попивая чай, товарищ Павлюк к членам партбюро.

– У нас все в порядке, – ответил один из них.

То же повторили и другие.

– Это хорошо, – довольный, руководитель кивнул. – Так и надо работать!

Потом товарищ Павлюк заговорил с членами партбюро о перспективах постройки в городе кирпичного завода. Павел слушал их краем уха, набираясь знания, и одновременно не мог оторваться от вкусных румяных бубликов, которые просто таяли во рту. Казалось ему, что начавшаяся пару дней назад новая ответственная жизнь обещает ему много таких бубликов впереди, а кроме того подумалось Павлу и о том, что чем больше у человека ответственности, тем больше Родина беспокоится о нем и о его здоровье, и это казалось справедливым.

– Ну что, – вдруг, бросив взгляд на свои ручные часы, обратился к Павлу товарищ Павлюк. – Ваш поезд через час. Как бы не опоздать…

– Поезд? – переспросил удивленный Павел, ничего ни о каком поезде не слышавший.

– Ах, извините, не сказал вам! – спохватился товарищ Павлюк. – Ваш поезд на столицу… Вам же говорили, что вас там ждут?..

Павел кивнул.

– Ну вот… – развел руками Павлюк. – Жалко, что так мало побывали у нас в Манаенковске, но кто знает – может, судьба еще занесет сюда… Будем рады.

После этого товарищ Павлюк вызвал по телефону машину и самолично сопроводил Добрынина вниз по мраморной лестнице.

И автомобиль, и шофер были те же. На этот раз Павел и шофер даже поздоровались друг с другом как старые знакомые.

Ехали снова молча. Но теперь и самому Павлу не хотелось разговаривать. Он все еще разглядывал город, удивляясь его виду.

– Скоро проедем мимо нашего театра! – с гордостью произнес шофер.

Павел приготовился.

Но театра они так и не увидели из-за того, что дорога впереди снова оказалась перекопанной по той же причине прокладывания вакуумного мусоропровода. Шофер еще раз кратко выругался и окольными путями отвез Павла на вокзал, где и посадил его на ожидавший отправления поезд.

Павлу поезд понравился: состоял он из локомотива и всего двух пассажирских вагонов. Потом, правда, перед самым отправлением, к составу подцепили еще какой-то вагон, но рассмотреть его не удалось.

Приятно стучали колеса, а Павел сидел в своем купе и глядел в окно на уходящий, затухающий день.

Завтра начнется новый день, и то, что Павел встретит этот новый день в пути, казалось замечательным и многозначительным.

В купе зашла молодая женщина в железнодорожной фуражке – принесла чай.

– Скажите, а бублики у вас есть? – спросил у нее Павел.

– Да что вы, товарищ! – удивилась женщина. – Откуда здесь бублики?

Павел кивнул, поблагодарил за чай, отпил глоток и понял, что чай не сладкий, но спрашививать эту женщину о сахаре не захотел.

Женщина зашла через полчаса с пачкой газет.

– Читать будете? – спросила она.

– Буду, – ответил Павел.

– Три хватит? – спросила женщина.

– Хватит, – сказал Павел.

Железнодорожница отсчитала три газеты и, положив их на столик, ушла.

Пока в купе горела тускловатая лампочка, неизвестно откуда питавшаяся током, Павел внимательно читал принесенные газеты и узнавал из них такое множество всего, что представление его о жизни и о своей Родине расширялось с каждым прочитанным словом. И возникало ощущение, что едет он в поезде посреди огромного строящегося города-гиганта, где люди хотя пока и не живут, но уже вовсю работают, побивая всякие мировые рекорды в областях бурения, угледобычи, выпечки хлеба и плавки разных металлов.

Немного устав от чтения, решил он рассмотреть в одной из газет лица новых орденоносцев, награжденных в Кремле, и только поднес он к глазам этот групповой фотопортрет, как лампочка в купе потухла. За окном тоже уже было темно, и, отложив газеты на столик, улегся Павел на нижней полке и, накрывшись теплым ватным одеялом, заснул.

Глава 6

Тропинка вела ангела все дальше и дальше, пока не вывела к соседствовавшей с лесом деревеньке. Вывела, а сама нырнула в грунтовую дорогу и растворилась в ней. Дорога эта была для деревни единственной улицей, потому что все избы, а было их не больше двух десятков, своими окошками выходили на нее. Дальше, за деревенькой, дорога бежала вдоль лугов и где-то там, среди них, терялась.

«Ну вот и первое жилье!» – подумал ангел.

Близился вечер. Во дворе ближней избы женщина развешивала для просушки выстиранное белье.

Ангел подошел к забору и поздоровался, а она, окинув подошедшего взглядом, забежала в дом, так и не ответив на приветствие.

Ангел было развернулся, чтобы идти к другой избе с просьбой о ночлеге и пище, но тут его окликнул мужской голос.

– Подойди-ка! – крикнул невысокий мужичок в полотняных штанах и подпоясанной шнурком холщовой рубахе серого цвета. – Ты беглый, че ли?

Ангел подошел.

– Мне бы переночевать... – сказал он, глядя в лицо хозяина вполне дружелюбно.

– Беглый... – проговорил задумчиво мужичок, оглядывая красноармейскую форму ангела. – Ну заходь!

Пол в сенях из-за нанесенной сапогами грязи казался земляным. Хозяин сам разился и ангелу сказал сапоги снять, да вдруг заметил, что гость-то босиком пришел. Удивился, порылся в сундучке, стоявшем тут же, достал худые короткие сапожки и протянул их ангелу:

– Надень-ка!

Ангел послушно надел, потопал в них по полу.

– Ну как? – глядя на ноги гостя, спросил хозяин.

– Хороши, – ответил ангел.

Были сапожки чуть велики, но скрываемая ангелом радость от встречи с такою добротою была еще больше.

Прошли в горницу, а там у русской печки уже хлопотала хозяйка, просовывая кочергою поближе к огню большой горшок.

– Сейчас все будет, все сейчас будет готово... – приговаривала она.

Гость присел на скамью и, уже сидя, покрутил головою, осматривая комнату. Жилье было чистым и аккуратным, широкая кровать, стоявшая за русской печкой как за углом, была покрыта вышитым красными петухами покрывалом. На столе уже лежала осьмина хлеба.

Хозяин заглянул в комнату, улыбнулся гостю и снова исчез в сенях, а потом, видимо, во двор вышел – дверь на улицу хлопнула.

Пока ангел рассматривал горницу, загорелась своим неживым светом маленькая лампочка, привешенная к потолку, а вслед за этим снова хлопнула дверь в сенях и появился хозяин, довольный, но серьезный. Зашел, глянул на лампочку, потом же, переведя взгляд свой на гостя, пояснил, что какая-то птица провод оборвала и пришлося его узлом связать, чтобы пустил он по себе электрический ток в избу.

Полюбовавшись еще недолго светом лампочки, хозяин уселся по другую сторону стола на такую же деревянную скамью и принялся ждать еды.

Тушенная с салом картошка меньше всего походила на райскую пищу, но ангел ел ее с удовольствием, хотя, конечно, больше всего радовался сытному мягкому хлебу. Хозяин тоже набросился на еду так, словно полстраны плугом вспахал. Жевал он жадно и как-то уж очень спешил.

– Еще положить? – спросила хозяйка.

– Нет, спасибо… – сказал ангел.

А хозяин просто помотал головою отрицательно.

– Ну, тогда я остальное вниз спущу! – проговорила женщина и взяла со стола пузатый горшок.

С горшком она прошла в угол горницы, ближний к дверям в сени, и одной рукой подняла деревянный щит – вход в подпол.

Ангел доел свой ужин и почувствовал, что неплохо было бы ему прилечь. Он бросил взгляд на хозяина, но тот все еще жевал, а посему гость перевел взгляд в другую сторону и увидел хозяйку, выбирающуюся из подпола уже без горшка в руках.

Заоконная жизнь тем временем наполнилась темнотою, и сидевший лицом к окну хозяин дожевал последний ломоть хлеба и широко зевнул, тут же перекрестивши свой рот.

– Ну че, гость дорогой, – заговорил он мятным полусонным голосом. – Спать небось хочешь?

Ангел кивнул, наслаждаясь внутренним спокойствием тела. Чувствовал себя он в этой избе уютно.

– Ну, че ж, пора уж… – хозяин еще раз зевнул, а после поиском взглядел жену. Взглядом не нашел, но слухом услышал – возилась она с чем-то у кровати за русской печкой.

– Валя! – окликнул ее мужичок. – Где гостю постелим?

– Дак стелить-то уж нечего… Внизу все, пускай спускается да вместе с солдатиком и ляжет… – отвечала из-за печки жена.

– Ну, слышь, – хозяин развел руками. – Ну, да и ты вроде солдатик, так что уж не в обиде…

– Тама не закрыто, покажи ему! – добавила хозяйка и тут же уронила что-то и шепотом выругалась.

Подвел хозяин гостя ко входу в подпол, и полез ангел вниз по лесенке. Спустился, а там тоже светло и такая же лампочка горит, только низковатый подпол оказался – прямо по его росту. Правда, размером он был чуть поменьше горницы, и тоже стол там стоял, три лежанки деревянные, застеленные чем-то полотняным. На столе – горшок тот самый, что хозяйка уносила, а за столом – люди. Чуть пригнулся ангел, чтобы свет от висевшей рядом лампочки глаза не резал. И увидел троих сотрапезников за едою: старика и двух людей помоложе возрастом, из которых один был в похожей зеленой одежде, а второй – в суконной рванине.

Ангел поздоровался, и трое сотрапезников кивнули ему в ответ. Ели они сосредоточенно и как-то устало, но усталость эта скорее была написана на их лицах. Появление новичка их не смущило и не удивило.

Доеv картошку, они передохнули чуток. Старик тут же пошел и улегся на стоявшую в углу лежанку. И отвернулся от света и от остальных.

Человек в зеленой одежде внимательным образом осмотрел ангела, потом обменялся взглядом со своим соседом по столу.

– Ты из какого отряда? – спросил он ангела, выковыривая пальцем что-то из зубов.

– Я не из отряда… – проговорил ангел. – Я с неба спустился… посмотреть хотел, что тут…

– С луны ты свалился, а не с неба!.. – оборвал злобно человек в зеленой одежде. – Что, не мог обменять где-то свою форму?

– Но ведь и у вас такая одежда… – возразил на это ангел.

– Я уже договорился. Мне хозяин принесет этой ночью.

– Может, он и мне принесет? – подумал вслух ангел, уже понявший, что одежда, которую он имел на себе, способна стать причиной многих неприятностей.

— Тебе он не принесет. Нету у него больше… Да и чем ты платить будешь? Я-то ему ружье дал, а у тебя ж ни шиша нету, даже из карманов ничего не выпирает.

Ангел провел рукой по карманам и действительно убедился в их пустотелой гладкости.

— А ты скажи хозяину, что отработаешь у него на свинарнике! — посоветовал парень в суконной рванине. — У него свинарник есть, я когда подходил к дому — слышал!

— Не-е-е, — протянул солдатик. — Что он, себе дурень, чтобы разрешать дезертиру в форме своей свинарник убирать?!

Старик, лежавший на угловой лежанке, захрапел, и все трое посмотрели в его сторону.

— А че? — заторможенно проговорил парень в рванине. — Может, пристукнуть старика, тогда и переоденешься? Хотя коротковато все будет, но глянь, какое сукно.

— Зачем пристукнуть? — удивился ангел. — За что?

— Сам-то он не отдаст, и, вишь какой, на ночь не раздевается, во всей своей одежде спит, — объяснил парень. — А значит: если не пристукнуть, то и не переоденешься.

— Да ладно, — махнул рукой ангел. — Где-нибудь потом переоденусь.

— Дурень, — сказал, как отрезал, дезертир.

Открылся со скрипом вход в подпол, и хозяин, приспустившись на пол-лестницы, бросил дезертиру узелок.

Дезертир спешно развязал его — оказалось, что это и есть обещанные лохмотья. Тут же переоделся и разглядел себя.

Парень в рванине хохотнул, хотя сам был одет не лучше, а ангел улыбнулся: на дезертире теперь были синие штаны, обрезанные чуть ниже колен, и верхняя часть женского сарафана, конечно, без рукавов, и цвета неопределенного, от которого в глазах рябило.

Дезертир, не сказав ни слова, бросил хозяину в руки свою военную форму. Скрипнула лестница, и вход в подпол закрылся.

— Спать надо… — буркнул только что переодевшийся и, подойдя к лампочке, что-то с ней сделал, отчего она погасла.

В полнейшей темноте ангел стоял и слушал, как устраиваются на своих лежанках обитатели этого подпола. А когда стало тихо, он спросил:

— А где мне можно лечь?

— На стол ложись! — проговорил из темноты дезертир.

Ангел послушно забрался на стол, лег на бок, подогнув под себя ноги, чтобы не свисали, и попробовал заснуть. Но было ему и холодно, и неудобно, и поэтому лежал он на столе без всякого удовольствия и занимал себя мыслями, в которых понять пытался встреченную им жизнь. Лежал он так и тогда, когда воздух в темном подполе наполнился храпами, сопеньями и чьим-то бормотанием во сне. Бормотание было про любовь, про любовь несчастную и неразделенную, и сделалось от этого ангела еще грустнее и неудобнее. И слушал он это бормотание с затаенной болью до тех пор, пока не прозвучало откуда-то сверху, и не из комнаты, что над подполом располагалась, а вообще с земли, некое механическое рычание, которое, однако же, вскоре затихло, но на смену ему пришли другие шумы и голоса, и наполнили они собою уже не всю землю, а ту комнату, что располагалась прямо над ними, и заскрипели виноватым скрипом доски пола, по которым расхаживал кто-то, а может, и расхаживали, потому что голосов было несколько, и среди них улавливался негромкий голос хозяина, однако говорили чаще другие, более грубые голоса. Потом разом все стихло, но тотчас открывшийся вход в подпол впустил вниз целый коридор света.

— Эй, там, выходи все! — крикнул кто-то сверху, и тут же в углу ойкнули громко, словно от снившегося кошмарного сна.

— Выходи! Нечая отлеживаться! — повторил голос.

Ангел, будучи не спящим, слез со стола и, войдя в этот до рези в глазах яркий коридор, созданный такою маленькою лампочкой, поднялся по лесенке и остановился, увидев перед собою четырех вооруженных красноармейцев.

– Садись пока! – ткнул рукою на скамью у стола один из них.

Ангел сел.

Тем временем поднялись из подпола и остальные. И их усадили у стола; вперед на шаг выступил красноармеец постарше, осмотрел странную компанию, задержав взгляд на обрезанной верхней половинке сарафана, одетой на дезертире. Ухмыльнулся.

– Ну, – сказал он, – кто откуда будет? А?

На сей вопрос ответа не последовало, и тогда красноармеец пальцем показал на парня в суконной рванине и, сощурив глаза, спросил:

– Ты! Откуда сбег?

– Из колхоза, – дрожащим голосом ответил парень.

– Какого колхоза?

– «Заветы Ильича».

– Ишь ты... – покачал головой красноармеец. – Из «Заветов Ильича» сбег! И не стыдно?!

– Стыдно... – сказал парень и опустил голову.

– Эт у тебя первый побег? – все допытывался красноармеец.

– Ага, – сказал парень.

– Ладно, – вздохнул красноармеец и перевел взгляд на дезертира. – А ты?

– Я не сбегал, я по делам шел... и здесь заночевать попросился... – заговорил тот.

– А кто ж тебе такую сарафанную сорочку сшил? Жена што ли? – заулыбался красноармеец.

– Да, жена... – кивнул дезертир.

– Ну че, правду говорит? – красноармеец повернулся к хозяину, голубоватому лицом из-за недосыпа.

– Не-е, – ответил хозяин. – Эт он со мной поменялся. Свою-то форму мне дал, а это я ему кинул...

– Ах ты сволочь! – чуть было не бросился дезертир на хозяина, но вовремя заметив, как один из красноармейцев выставил в его сторону винтовку со штыком, усидел-таки на месте.

– Та-ак, – покачал головой красноармеец. – Откуда сбег?

– Тридцать восьмой кавалерийский особый отряд по поимке беглых колхозников... – проговорил упавшим голосом дезертир.

– Ишь ты! – снова покачал головой красноармеец. – А мы из тридцать девятого механизированного особого отряда по такой же поимке... Первый раз бежишь?

– Второй... – сознался дезертир.

– Ясно, – красноармеец посмотрел на ангела. – А ты? – спросил он.

– Я... – начал было отвечать ангел, да запнулся, понимая, что правду говорить нет смысла, а неправду, в которую эти люди с радостью поверят, – не хотелось говорить.

– Чокнутый он! – брякнул беглый колхозник. – Старика пристукнуть не захотел...

– Эт точно, чокнутый! – подтвердил дезертир, и красноармеец с усилившимся интересом посмотрел на ангела.

– А в форме чего?

Дезертир пожал плечами.

– Поменяться попросил один... – сказал ангел. – Я ему свою отдал, а он мне эту...

– Дезертиру, значит, помог! – негромко проговорил красноармеец. – Нехорошо. Придется приправнять тебя за это к беглым колхозникам. И то лучше, чем дезертиром из Красной Армии быть.

Красноармеец посмотрел пристально на дезертира, пожевал губами, размышая о чем-то военном, потом спросил у хозяина:

- А много ли они съели?
- Да много, ясное дело. Картошки полпуда, сала четыре фунта, две курицы…
- Врешь! – заверещал беглый колхозник. – Не было куриц, и сала там на грош съели!
- Куриц старик съел, – добавил хозяин. – Ему ж положено?!

Старик кивнул.

- Ну а как вам здесь, отец? – спросил старика красноармеец.
- Да ничего, все одно лучше, чем в тринадцатом на каторге.
- Ну еще посидите…

Старик обратил свой усталый взгляд на красноармейца.

- Мне б гулять иногда… – попросил он. – А, сынок? Можно?

– Ну, ночью можно, – ответил красноармеец. Потом же, обернувшись к другим солдатам, стоявшим за его спиной, скомандовал: – Этих троих в кузов, старика оставить и принести сюда те два мешка картошки.

– Товарищ командир! – просительным голосом обратился хозяин. – А вы ж обещали еще проса и овса на три трудодня…

- Эт в следующий раз! – сказал красноармеец так твердо, что хозяин кивнул и замолчал.

Ангел, дезертир и беглый колхозник были выведены солдатами на дорогу, где им приказали забраться в кузов стоявшего там же грузовичка, куда также залезли два красноармейца. А командир их с другим солдатом, который кроме прочего был еще и шофером, сели в кабину машины и, не попрощавшись с вышедшим их проводить хозяином, завели мотор.

Мотор взревел так сильно, что сверху, с безоблачного глубокого неба сорвалась одна звезда и на глазах у хозяина застремилась вниз, однако по дороге угасла и упала вследствие этого невидимо, да и, должно быть, далеко от этих мест, так как при близком падении звезд должен возникать гром, а тут было тихо, и только удаляющееся рычание машины нарушило ночную тишину и отвлекало мысли хозяина от остальных звезд, светивших ярко и уверенно.

Глава 7

В столицу поезд прибывал утром.

Как только в окне появились первые постройки, Павел вскочил и подготовился выходить. Но дома все продолжались и продолжались, и не было им конца, и понял тогда Добрынин размеры столицы. Стал терпеливо ждать, а чтобы не скучно ждать было – решил проверить свою котомку, собранную женой Маняшой по случаю отъезда. Сначала вытащил оттуда топор, полученный от нее же напоследок, потом полотняный мешочек с сухарями, немного проса, карандаш, чистую бухгалтерскую тетрадь и просто листок бумаги с кое-какими буквами. Прочитал. Маняша в той записке просила не забывать ее и детей их и писать им письма из всяких мест, куда работа закинет. Больше в котомке ничего не было, и положил Павел все, кроме топора, обратно, а что делать с топором – думал-думал, а придумать не мог. С одной стороны, топор – вещь хозяйская и полезная, но с другой – возить его по стране и тяжело, и как-то неприятно. Подумал было оставить в поезде, но тут же откинул эту мысль, ведь всякому человеку он может в руки попасть, а что, если убийца найдет его и убьет кого-нибудь? Нет, в купе оставлять его было нельзя. Отдать железнодорожнице? Но на что он ей? Дрова они в поездах не рубят, а топят все углем брикетным, а с другой целью он ей не понадобится. В общем, решил пока взять с собой, а уже потом решить, как с ним быть дальше.

А тут, пока решал он про топор, и вокзал показался. Поезд подъезжал к нему медленно. Павел терпеливо и смирно сидел на нижней полке своего купе, в котором без всяких попутчиков пережил всю дорогу.

Наконец поезд остановился.

Кивнув на прощанье проводнице, Павел вышел из вагона и огляделся, отчего сразу закружилась голова. Ведь это не то, что в селе или в поле оглядываться: кругом многоэтажные дома, столбы фонарные в два раза выше сельских. Звуки, краски, мельтешение людей и машин. Было отчего голове закружиться.

– Вот он! Вот он! – раздался рядом чей-то радостный выкрик.

Павел обернулся и увидел запыхавшегося молодого человека в сереньком костюмчике и кепке с фотоаппаратом в руках. Пока он разглядывал его, подошли еще трое. А за их спинами неслышно ехал по перрону черный и блестящий, как хорошо начищенный сапог, автомобиль.

– Расскажите о себе! Это для «Известий»! – попросил один из подошедших, держа в руках блокнот и ручку.

– Родился я в селе Крошкино в семье бедняка… – говорил Добрынин, внимательно наблюдая за приближающимся автомобилем. – А теперь я женат и имею двух детишек: Дарьушку и Петью…

– Скажите для «Стальной магистрали», – попросил парень в сереньком костюмчике и кепочке. – Как в вашем колхозе отнеслись к оказанному вам доверию?

– К доверию отнеслись хорошо… – Павел кивнул, глядя, как из остановившегося за спинами корреспондентов автомобиля вышли двое степенных мужчин. Один из них поправил съехавший на сторону бордовый галстук, а второй наклонился к автомобилю и вытащил оттуда букет красных гвоздик. После этого они просто стали за спинами корреспондентов, ожидая, по-видимому, окончания интервью.

– А как вам понравилось путешествие в столицу на поезде? – спрашивал третий корреспондент.

– Понравилось… – признался Добрынин.

– А вы до этого уже ездили на поездах?

– Нет, – ответил Павел.

– Закругляйтесь, товарищи журналисты! – строго, но с уважением произнес вдруг один из подъехавших на автомобиле. – Товарищу Добрынину следует отдохнуть с дороги. У него еще много дел. Прошу понять!

Корреспонденты, похоже, сразу поняли и, откланявшись и пожелав всего самого доброго, удалились.

– От имени руководства нашей великой Родины приветствуем вас в столице, – говорил мужчина, вручая Павлу букет гвоздик. – Сейчас мы отвезем вас на служебную квартиру. Отдохните там немного, а позже заедем за вами и – в Кремль.

Блестящий черный автомобиль внутри был просторен, как сени в хорошей избе. Прильнув к стеклу задней дверцы, Павел все еще следил за проносящимися мимо зданиями и картинами городской жизни. Следил вяло, и взгляд его ожидал только когда машина останавливалась на перекрестке, давая возможность Павлу увидеть кусочек столицы в своей гордой неподвижности. Правда, неподвижность эта была относительной, так как под зданиями, по тротуару, бесцеремонно ходили по своим делам свободные советские люди, даже не подозревая о том, что своим движением привносят они что-то особое в столичные впечатления заезжего гостя.

Однако автомобиль не очень-то задерживался на перекрестках, а вскоре и вовсе свернул на узкую дорожку, проехал мимо отдавшего ему честь милиционера и остановился во дворе солидного каменного здания, парадный вход которого был украшен двумя статуями тружеников.

– Ну вот вы и дома! – сладко произнес степенный мужчина, снова поправляя съехавший на сторону бордовый галстук.

– Виктор Степанович, – обратился второй степенный мужчина к первому. – Ей-богу, не стоит этот галстук банки селедки! Надул тебя Петренко! Обменяй лучше назад.

Первый, тот самый Виктор Степанович, посмотрел на коллегу строго и покачал головой.

– Не мог Петренко надуть, – сказал он. – Выходите, товарищ Добрынин.

Павел и Виктор Степанович поднялись на третий этаж. Следом за ними туда забежал дежурный дворник и, открыв квартиру номер три, вручил ключ Добрынину.

– Ну вот, проходите, осмотритесь… – приговаривал Виктор Степанович. – А я пока этот чертов галстук перевяжу.

Павел опустил на пол котомку, снял в прихожей сапоги, размотал портянки и хотел было идти дальше босиком, но тут заметил стоявшие в ряд три пары тапочек различных размеров. Сунул ноги в ближнюю пару и пошел.

Квартира была огромна. После каждого взгляда на потолок кружилась голова, и Павел решил больше вверх не смотреть. В самой большой комнате посередине стоял круглый стол, под одной стеной – диван и два кресла, под другой – блестящий узорным стеклом сервант, внутри которого стояли три юбилейные вазы с какими-то датами и надписями.

– Ну, как вам тут? – спросил, войдя в комнату, Виктор Степанович.

– Да хорошо… – Павел обернулся.

– А теперь пойдемте, я вам покажу ваш кабинет.

Они прошли коротким коридорчиком и вошли в невысокую дверь. Комната, открывшаяся глазам Павла, была поменьше первой, но намного более приманчивой из-за того, что три ее стенки были заняты книжными шкафами, а перед широким светлым окном стоял массивный письменный стол, на котором радовали глаз настольная лампа с зеленым абажуром, прибор для письменных работ и сурowego вида телефонный аппарат.

– Здесь вот собрания сочинений наших классиков, – продолжал пояснения Виктор Степанович. – Это для работы и справок. Запомните, что все работы Ленина, Маркса и Энгельса у вас есть, а остальных авторов можете заказать по телефону прямой связи, если возникнет на то необходимость. Ну, думаю, тут все понятно…

И вдруг телефонный звонок оборвал Виктора Степановича. Он метнулся к столу и снял трубку.

— Да… да, это я… — сказал он кому-то, после чего посмотрел в глаза Добрынину и левой рукой сделал какой-то не совсем понятный жест. — Да… думаю, что не долго… — продолжал говорить он.

Потом, прикрыв ладонью микрофон трубы, он снова посмотрел на Добрынина и сказал уже другим, менее вежливым голосом:

— Павел Александрович, выйдите в коридор!

Павел попятился, вышел из комнаты.

— Да вы что! — убеждал кого-то Виктор Степанович так громко, что даже закрытые двери в кабинет пропускали сквозь себя его голос. — Кому вы верите! Это же известный негодяй! Да, хорошо, я отвечу. В присутствии всех!

Павлу не хотелось слушать чужой разговор или даже часть его, и поэтому сначала он решил было вернуться в большую комнату, но внимание его привлекла другая дверь дальше по коридору. Он пошел и осторожно, словно и сам был гостем здесь, толкнул ее. Дверь приоткрылась, и в ее проеме увидел Павел широкую кровать, две тумбочки, на которых стояло по вазе с цветами, и — самое поразительное — на этой кровати спала женщина. Она спала лицом к окну, и Павлу видны были лишь ее каштановые кудри.

Павел испугался и, прикрыв дверь, на цыпочках отошел. И тут оберегаемую им тишину нарушил Виктор Степанович, неожиданно выглянувший в коридор.

— Заходите! — громко позвал он Добрынина.

Павел вернулся в кабинет и застыл, ожидая дальнейшего.

— Вот… — В голосе Виктора Степановича чувствовалась нервозность. — Просили вас прочитать сегодня статью Ленина «Как реорганизовать рабкрай», пока будете отдыхать… она небольшая…

— Извините, — Павел поднял глаза на огорченного телефонным разговором Виктора Степановича. — Там, в комнате, женщина спит… Может, это не та квартира?

Виктор Степанович задумался на мгновение, сведя брови над переносицей, потом быстро очнулся, и на лице его возникла толстогубая улыбка.

— Да нет! — опять открыто и сладко произнес он. — Это… Это ваша служебная жена… Мария Игнатьевна… Отдыхает, наверно. Я сейчас разбуджу ее, и познакомитесь…

— Не надо! — попросил Добрынин.

— Почему не надо? — испренне удивился Виктор Степанович. — Где же это видано, чтобы муж и жена не были знакомы?

— Может, потом… — замялся Добрынин. — Пусть отдыхает, спит пока…

— Ну как хотите… — пожал плечами разочарованный Виктор Степанович. — Ладно. Тогда и вы отдохните, статью прочитайте — она у вас на столе. А я через три часа заеду за вами. Да, вот еще что, там дальше, за спальней, две двери — так это туалет и ванная. Разберетесь?

Павел кивнул.

— Ну, до встречи!

В прихожей хлопнула дверь — Виктор Степанович покинул служебную квартиру Добрынина, — и звук этот отвлек ее нового владельца, освободил его тело и мысли от ненужного напряжения. Павел подошел к столу, опустился в удобное кресло и заглянул в оставленную для чтения статью.

Первой строчки статьи Павел не понял и поэтому наклонился пониже к раскрытыму томику.

Снился ему трактор и родной колхоз. И хоть сам он механизатором не был, но во сне своем сидел в кабине новенького МТЗ и пытался завести двигатель. Но двигатель не заводился. Он пробовал еще и еще и вдруг почувствовал, как задрожал, завибрировал металл. «Завелся!»

– радостно подумал Павел во сне и тут же понял, что звук, услышанный им, никакого отношения к трактору иметь не мог.

Это звонил телефонный аппарат.

Оторвав голову от статьи вождя, Павел взял трубку и поднес ее к уху.

– Говорите! – предложил он кому-то неизвестному и невидимому.

– Марию Игнатьевну, пожалуйста! – попросил вежливый мужской голос.

– Кого? – спросонья переспросил Павел.

– Марию Игнатьевну, – терпеливо повторил мужской голос. – Ее служебная фамилия Добрынина.

– А-а… – протянул Павел и положил трубку на раскрытую книгу.

Вышел в коридор. Заглянул в спальню. Женщина еще отдыхала. Постояв минуту в раздумье, Павел негромко постучал по открытой двери.

Кровать скрипнула, и из этого Добрынин сделал вывод, что его услышали.

– Вас к телефонному аппарату! – сказал он и быстро вернулся в кабинет.

Подошел к ближнему книжному шкафу и стал проверять правильность очередности томов Ленина.

В кабинет вошла Мария Игнатьевна в длинном сиреневом халате.

– Здравствуйте! – Она ослепительно улыбнулась Павлу и прошла к столу.

Чуть полноватая, Мария Игнатьевна была тем не менее женщиной красивой, и Добрынин это понял сразу. Вся фигура, аккуратно завернутая в сиреневый халат, выдавала в ней бывшую физкультурницу, а в лице, вдобавок к этому, можно было «прочитать» много других положительных качеств, таких, как доброта, решительность, смелость и ум. Насчет последнего качества, читаемого в каждом взгляде карих глаз его служебной жены, Павел было усомнился. Усомнился в том смысле, что не был полностью уверен: стоит ли считать ум положительным качеством у женщины. Но тут же сам этому сомнению и возразил, чему искренне удивился, так как до этого сам себе ни разу не возражал. Удивился и стал думать, откуда такая способность в нем возникла. И в конце концов пришел к выводу, что он просто-напросто поумнел вследствие большого количества книг в кабинете или же оттого, что спал он, склонив голову на раскрытый томик Ленина. Такой вывод успокоил его.

– Да, да, это я… – говорила кому-то Мария Игнатьевна.

Павел любовался ее профилем. Может быть, заметив это, а может, и по другой причине, она обернулась и бросила на Добрынина взгляд, который он не понял. Однако, припомнив, как Виктор Степанович попросил его выйти из кабинета на время телефонного разговора, Павел решил, что и этот взгляд должен был означать нечто подобное, и покорно вышел в коридор, прикрыв за собою дверь.

Из коридора не было слышно ни слова из телефонного разговора его служебной жены с кем-то неизвестным. Видно, разговор проходил спокойный и приятный.

И все-таки было что-то неприятное для Павла в факте обретения им служебной жены. Простой логикой он понимал, что раз так организовано сверху, значит и должно так быть, но чувства, крепко связывавшие его с Манящей и детьми, возмущались, протестовали и проявляли другие признаки несогласия, выражавшиеся в том, что не чувствовал он себя в этот момент самоуверенным, как обычно. Хотя и это можно было списать за счет стояния в коридоре, ведь известно, что даже самое короткое по времени стояние в коридоре может любого человека лишить самоуверенности: от дворника до командарма.

Но дверь в коридор открылась, и увидевшая Павла Мария Игнатьевна разверла руками.

– Я думала, что вы по делам вышли. А если вы из-за телефонного звонка, то совершенно зря! У меня от вас секретов быть не может… Это Владимир Анатольевич звонил… Да проходите же!

Павел снова вошел в кабинет.

– Вы кушать хотите? – спросила служебная жена.

– Да, – признался Павел, полагая, что сейчас Мария Игнатьевна проследует на кухню, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое, и таким образом он останется в кабинете один.

Но Мария Игнатьевна подняла телефонную трубку и спокойно произнесла:

– Пожалуйста, два обеда в третью квартиру. Здесь на первом этаже кухня, – объяснила она, уловив во взгляде Павла признаки недопонимания. – Очень хорошо готовят! Ну а я пойду приведу себя в порядок.

Когда она вышла, Павел облегченно вздохнул. Присел за стол с твердым желанием прочитать-таки предложенную статью.

Статья загипнотизировала Добрынина таинственностью мысли. Он уже дошел до последней точки, а ни подняться, ни пошевелиться не мог.

И тут очень кстати заглянула Мария Игнатьевна.

– Обед на столе! – сказала она мягко, приятностью своего голоса освобождая Павла от ленинского гипноза.

Стол был накрыт в небольшой столовой, которую Виктор Степанович почему-то не показал Павлу. Собственно, там только и могли разместиться один стол да четыре стула.

Павел сразу сел и придвинул к себе тарелку с борщом. Мария Игнатьевна же начала с салата из свежих овощей, запивая его минеральной водой.

Борщ был вкусным. Может быть, даже вкуснее Маняшиного. И что-то еще в атмосфере этого обеда было родным и близким. И чтобы понять и найти это близкое, Павел на мгновение остановился и перестал жевать. И точно – тиканье часов заполнило тишину, и Павел, найдя взглядом висевшие на стене ходики, уставился на них с любовью и тихой радостью.

Туда же посмотрела и Мария Игнатьевна, доедая салатик. Посмотрела, улыбнулась про себя, перевела взгляд на мужа. Потом принялась за борщ. Ела его культурно, не нарушая атмосферы и не заглушая тиканья ходиков, так обрадовавшего Павла.

Но как ни оберегала она радость Павла, тиканье заглушил дверной звонок.

Выскочив в прихожую, Мария Игнатьевна открыла дверь и увидела Виктора Степановича.

– Павел Александрович готов? – спросил он. – Машина ждет внизу.

– Муж обедает, – чинно ответила Мария Игнатьевна.

Виктор Степанович, знавший эту красивую женщину только в меру пересечения их служебных обязанностей, позавидовал Добрынину и посочувствовал себе, имевшему только законную жену, от которой с удовольствием избавился бы по приказу партии. Но партия не приказывала, и жизнь его вследствие этого не менялась в лучшую сторону, а скорее совсем наоборот. Но кого это интересовало??!

В машине Виктор Степанович как старому знакомому пожаловался Добрынину на неприятности, связанные с партийным строительством, обругав при этом совершенно не знакомых Павлу людей. Павел слушал и кивал.

– А зачем вы котомку с собой взяли? – спросил вдруг Виктор Степанович. – Вы же сегодня еще вернетесь в служебную квартиру.

– Да так, – ответил Павел. – На всякий случай.

Виктор Степанович помолчал, потом продолжил ругать своих сотрудников.

Автомобиль выехал на Красную площадь, и тут у Павла сперло дыхание – он увидел Кремль.

Сделав несколько глотательных движений, он повернулся к Виктору Степановичу и, тыча рукой в сторону сердца Родины, спросил сдавленным голосом:

– Это Кремль?

– Да, – ответил тот. – Кремль. А что?

Да, для человека, из окна кабинета которого были видны и колокольня Ивана Великого, и пара рубиновых звезд на башнях, слово «Кремль» имело совсем иное значение, чем для Павла Добрынина из далекой деревни Крошкино. Как-то сами собой захотели выпрямиться ноги, и Виктор Степанович напряженно проследил движение своего спутника вверх, пока голова Павла не уперлась в мягкий потолок автомобиля. Тут-то трепетное напряжение и отпустило Добрынина, и он снова опустился на сидение, не сводя, однако, глаз с дороги, которая вела в – страшно сказать – Кремлевские ворота, а потом и дальше, по святой для каждого советского человека брусчатке.

По этой брусчатке машина ехала медленно, может быть, даже со скоростью обычного пешего человека.

Остановилась так незаметно, что если бы не застывший сбоку угол здания, то Павел бы еще думал, что они едут.

Выходя из автомобиля, Павел взял с собой и котомку, но на этот раз Виктор Степанович промолчал, только вздохнул негромко. На торце здания виднелась невзрачная дверь – должно быть служебный ход. Туда они и направились.

Сразу за дверью стоял милиционер. Он ощупал строгим взглядом Виктора Степановича, потом кивнул ему – тот прошел, а милиционер уже принялся за Павла. Взгляд его заинтересовался котомкой, и, повинувшись четким жестам милиционера, Павел опустил котомку на стол дежурного. Гулко ударили топор о столешницу, и милиционер прищурился. Открыв котомку, он первым делом извлек оттуда мешочек с сухарями, потом все прочее и уже в самом конце – топор. Глядя на последний извлеченный предмет, милиционер задумался, и сопровождалось это такой тишиной, что у Павла заложило уши.

– Товарищ милиционер, – заговорил вдруг Виктор Степанович. – Нас ждет товарищ Калинин.

Милиционер позвонил кому-то из своего начальства, доложил о топоре и подозрительных сухарях, и о том, что посетителей якобы ждет товарищ Калинин. Буквально через полминуты зазвонил второй телефон на столе, и схвативший трубку дежурный милиционер только то и делал, как кивал в трубку и повторял «так точно» и «слушаюсь».

Опустив трубку на место, он повернулся к Виктору Степановичу.

– Можете идти. Знаете куда?

– Конечно, – ответил Виктор Степанович, и голос его теперь звучал строго. – Каждый день хожу!

– А это здесь оставьте! – Милиционер показал пальцем на котомку и ее содержимое. – С этим приказано разобраться.

– Ну, пошли! – негромко сказал Виктор Степанович Добрынину.

– А… – Павел хотел было спросить о своих вещах, но Виктор Степанович махнул рукой и взглядом указал на мраморную неширокую лестницу, покрытую довольно истоптанной бывшей красной ковровой дорожкой.

– Заберем! – сказал он уже на втором этаже. – Не пропадут ваши сухари!

В скромном кабинете, почти лишенном мебели, их встретил сухощавый высокий мужчина лет сорока пяти в темном костюме с орденом. Он приветливо улыбался, ладонью правой руки поглаживая свою «китайскую» бородку.

– А-а-а! – протянул он, прищуриваясь и разглядывая Добрынина. – Вот вы какой! – и покачал головой, как бы удивляясь и давая внешнему виду Добрынина наивысшую оценку.

Правда, не было понятно, что он имел в виду. То ли открытое и по-простому красивое лицо народного контролера, то ли его одежду, тоже простую и относительно аккуратную.

– Ну заходите, садитесь вот сюда, за столик. Поговорим, – приглашал товарищ Калинин, отступая в глубь кабинета. – Жалко только, что к чаю здесь у меня ничего кроме сахара нет…

Павел открыл было рот, хотел сказать: «А у меня сухари были, да их ваш милиционер забрал!», но не сказал, испугавшись, что в Кремле так разуhabисто говорить не положено.

Хозяин кабинета заметил, как Павел хватанул ртом воздух, да смолчал, и спросил его прямо:

– А что вы сказать хотели, товарищ Добринин?

– Да я... У меня к чаю там, в котомке... сухари были, а их забрал...

– Кто забрал?! – сурово спросил Калинин, и улыбка сошла с его лица, превратив добрый прищур его глаз во взгляд двух мелкокалиберных винтовок.

Павел рассказал ему о том, что произошло внизу, и тогда товарищ Калинин выглянул в коридор и что-то прокричал туда, а потом, как ни в чем не бывало, настойчиво попросил посетителей сесть за стол, и сам тоже присел. Это был приставной столик как раз на троих посетителей, делавший всю мебельную комбинацию этого кабинета похожей на витиеватую букву «Т». Но товарищ Калинин не пошел обходить большой письменный стол, чтобы усесться в свое кресло, а присел тут же, словно был третьим посетителем.

Военный внес на подносе три стакана с подстаканниками, сам же и разлил по стаканам чай, потом поставил на столик сахарницу, доверху наполненную рафинадными кусочками. И вышел.

А еще через минуту в кабинет внесли котомку Павла. Внес ее пожилой милиционер, передал прямо в руки владельца и исчез.

– Ну, давайте ваши сухари! – весело скомандовал хозяин кабинета.

Добринин вытащил заветный мешочек, развязал и высыпал прямо на подносик несколько сухарей. И тут же заметил, что один сухарь был надкусен.

Это же заметил и товарищ Калинин и огорченно покачал головой.

– Что поделаешь, – сказал он. – С дисциплиной у нас, конечно, не все в порядке... Ну да ладно!

И он взял целый сухарь, помочил его в чае и громко грызанул.

За чаем говорили о сельской жизни, о прошлом, о будущем, но разговор шел какой-то несерьезный. А в конце разговора хозяин кабинета посмотрел вдруг пристально на Виктора Степановича и то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

– А ты, Степаныч, зря этот галстук у Петренки на селедку выменял! Сдается мне, что галстук-то ворованный...

Павел видел, как его спутник побледнел и пальцы прижал к столу, чтобы не дрожали. А тут еще хозяин кабинета попросил его выйти, чтобы с народным контролером с глазу на глаз побеседовать.

Павлу даже жалко стало Виктора Степановича – так он медленно из-за стола поднимался, словно ему предстояло на казнь идти. Но ничего не поделаешь – вышел, как сказали, и остался Добринин наедине с товарищем Калининым.

– Ну вот что, Павел... Можно, я тебя буду по-простому называть?

Павел кивнул.

– Тогда давай о деле. Статью о рабкрине прочитал?

– Да, – ответил Павел.

– А понял?

– Нет, – признался контролер.

– Ну ничего, – успокоил его Калинин. – Главное – не понимать, а действовать. Понятно? Павел снова кивнул.

– В общем, задача твоя не из легких, – продолжал хозяин кабинета. – Родина у нас, как ты понимаешь, большая. Везде глаз да глаз нужен, и то порядка мало. Поэтому на Политбюро и было решено выдвинуть из самой честной народной среды ряд верных тружеников, обучить их всем способам народного контроля и отправить в различные области и края, чтобы вели они

там беспощадную борьбу за настоящий порядок, за качество продукции и выполнение всех поставленных задач. Но положение в промышленности усложнилось, и приходится посыпать вас без достаточного обучения. Но народ у нас смышеный. Да, я думаю, ты и сам до всего дойдешь. Вкратце-то я тебе объясню. Я ведь с каждым таким контролером лично беседую и скажу прямо: контролеров у нас мало, и каждый из них – на вес золота. Ну, а контролировать жизнь и ее производственные процессы несложно. Приезжаешь в город, узнаешь, какие заводы и фабрики есть, что выпускают. Потом идешь прямо туда, говоришь им: «Я – народный контролер» – и требуешь предъявить изделия для проверки качества. Вот, собственно, и все. Ну, там, где качество трудно проверить, – так ты на глазок, а если сомнения, то берешь то, в чем сомневаешься, и сюда везешь…

– А как же? – не понял Павел.

– Чуть позже я тебе объясню! – успокоил его хозяин кабинета. – А пока скажу, что выпал тебе нелегкий район действий, так сказать. Северные места… И условия там, конечно, приближенные к боевым. А может, ты не хочешь? Ты скажи! Может, ты не готов к этому?

– Да нет, готов! – заверил товарища Калинина Павел.

– Ну, а может вопросы есть? – поинтересовался хозяин кабинета.

– Есть, – признался Добрынин. – Насчет служебной жены… Как-то… неловко…

– Ну, брат, это надо, – понимающе закивал товарищ Калинин. – Мне и самому трудно, у меня ведь тоже и моя, венчались еще до семнадцатого, и служебная… Что поделаешь, такой порядок. Я ведь из Твери сам, жена с детьми там осталась, а здесь служебную получил. Правило такое – кто не из Москвы, тот здесь жену получает, так сказать, номенклатурную. Да ты не бойся, они у нас проверенные и пользуются полным доверием, а если что, не стесняйся, говори, и мы заменим…

– Ну, раз порядок… – развел руками Павел.

– А может, еще что-нибудь волнует? Может, о своей семье думаешь?! Так ты не беспокойся, они у нас будут под партийной заботой. Так что все в порядке, как видишь… Ну и теперь самое важное. Решил я тебе, Павел, подарок сделать… Непростой подарок… – Товарищ Калинин испытующе посмотрел в глаза народному контролеру. – Такой подарок, за который многие полжизни отдали бы. В общем, коня белого дарю тебе.

И, тяжело вздохнув, товарищ Калинин на некоторое время замолчал, то ли обдумывая что-то, то ли погрузясь в воспоминания.

А Павел слушал возникшую тишину и думал. Думал о том, что не случайно, должно быть, его выбрали, и не из-за желания избавиться от честного и правдивого человека. А были, видимо, на то особые причины, о которых он если и узнает, то очень не скоро.

За окном вечерело, и, несмотря на то, что рядом жил своей бурной жизнью большущий город, было тихо и спокойно. И, может быть, даже спокойнее, чем в это же время в деревне Крошкино, где с наступлением первых сумерек осмелевшие из-за своей невидности дворовые собаки начинали переговариваться-перелаиваться, рассказывая друг другу, кто из них какого размера кость получил, и так этот лай стоял бы до полуночи, пока осовевшие от него хозяева не обругали бы свою псину последними словами, после которых в дело уже мог бы пойти деревянный колок, и собаки, конечно знавшие об этом, замолкали, уткнув свои носы в теплую землю.

Товарищ Калинин вдруг очнулся, обошел свой письменный стол и вытащил из его ящика книжечку, которую тут же протянул Павлу.

«Детям о Ленине», – прочитал Павел название и посмотрел на обложку, где великий вождь был изображен на скамейке, окруженный гурьбой ребятишек.

– Ты не смотри, что название такое, – сказал уже уставшим голосом хозяин кабинета. – Эта книга тебе очень пригодится! Она, в общем-то, не только для детей. Ну вот, я тебе вроде все сказал. Завтра днем на аэродроме тебе седло передадут. А сейчас поезжай домой, отдохни…

— А как же белый конь? — негромко спросил Павел и тут же смутился из-за наглости своего вопроса.

— Конь? — повторил товарищ Калинин. — Коня тоже привезут на аэродром. Он здесь, в кремлевских конюшнях. Хорошо?

Почувствовал тут Павел в себе наличие такого желания, о котором не сказать товарищу Калинину он не сможет. Но и как сказать — он не знал, потому как второго наглого вопроса задавать не хотелось.

— Ну что молчишь? Вижу, что о чем-то просить хочешь? — проницательно подметил хозяин кабинета.

— Да я... вот...

— Ну говори, не дакай!

— Хотел бы, товарищ Калинин...

— Да называй ты меня по имени, мы теперь равные!

— Ну... хотел бы я, Михаил, на этом коне от Кремля до аэродрома проскакать...

— Да-а... — сказал товарищ Калинин. — Желаньице, я тебе скажу!

— Но это если можно, а если нельзя, то...

— Сейчас! — остановил Павла хозяин кабинета и подошел к телефону. — Эй, Вася! — сказал он кому-то. — На завтра эскорт свободен? Да? Хорошо. Тогда прикажи, чтобы к двенадцати был готов у Спасских ворот! — Ну вот, — опустив трубку, товарищ Калинин посмотрел на народного контролера. — Порядок. Будет тебе конный проход!

— Спасибо! — Глаза у Павла загорелись, и он едва сдержал свой порыв обнять товарища Калинина и расцеловать его.

— Потом спасибо скажешь! Главное — Родину люби и делай все для ее блага! Ну все, иди! Нет, постой, скажи-ка мне, зачем топор с собой принес?

— Жена в дорогу дала, — объяснил Павел, поднимаясь из-за стола.

— Вот так да! — усмехнулся хозяин кабинета. — Молодец жена! Правильно дала! Тут жизнь такая... да...

За дверью в коридоре стоял красноармеец, который и проводил Добрынина вниз к автомобилю. Виктора Степановича в машине не было. Только шофер сидел, сонный и молчаливый. Ни слова не сказал за всю дорогу. Лишь когда остановил машину у подъезда, напомнил, что квартира у Павла под третьим номером.

Дежурный дворник открыл Павлу двери в парадное. Добрынин поднялся на третий этаж, вспомнил про ключ, врученный ему дворником. Нашел его в кармане брюк и отпер двери. Котомку оставил в прихожей, а книгу «Детям о Ленине» взял с собой и прошел в кабинет.

Включил лампу с зеленым абажуром, и так уютно стало в этой самой человечной комнате квартиры. А тишина, она была непоколебима и настраивала на серьезные мысли. И, усевшись за письменный стол, открыл Павел перед собой первую страницу подаренной в Кремле книжки. Открыл и стал читать.

Прочитав первый рассказ о Ленине, Павел решил на этом пока и остановиться, тем более что захотелось подумать немного о смысле и морали этого рассказа. Речь в нем шла о том, как однажды Ленин попал в дом поморских рыбаков одной северной народности. Пришел он туда как гость, и тут же хозяева накрыли на стол и стали угождать Владимира Ильича их национальным супом, который, конечно, для европейского человека показался очень невкусным. Но ничего не сказал им об этом Ленин, а только поблагодарил за угощение. А они, решив, что суп Ленину очень понравился, предложили еще, короче — добавки ему дали. И тут Ленин ничего не сказал, и все съел, как учили его родители еще в далеком Симбирске — повлияло, конечно, воспитание, «общество чистых тарелок» семьи Ульяновых, но и не только это.

«Да, — подумал напоследок Павел. — Не зря мне эту книгу подарили. Сказали же, что на Север пошлют... Значит надо уважать национальные супы и другую еду...»

Усталость замедлила процесс мышления, и Павел почувствовал, что засыпает. Но спать сидя не хотелось, и он, оставив свою одежду в кабинете, пошел в спальню. Зашел, закрыл за собой дверь и постоял пару минут, привыкая к темноте. Большой белый квадрат кровати быстро рассеивал ночной мрак, и очень скоро Павел разобрал, что его служебная жена занимает ближний к нему край. А разобрав это, он обошел кровать и лег с другого края, оставил между собою и женою не менее метра. Накрылся краем одеяла, ощутил ватное тепло, окутывавшее его, и заснул, улыбкою прощаясь с уходившим в прошлое таким удивительным до сканочности днем.

Глава 8

Звонок с седьмого урока в московской школе, что была в Даевом переулке на Сретенке, прозвенел минут на пять раньше обычного, и буквально через минуту двери классов раскрылись, и в широкий и светлый коридор организованно вышли мальчики и девочки в аккуратно повязанных на белые сорочки алых галстуках. Вышли и быстро построились поотрядно, как и полагается в таких случаях. Директор школы Василий Васильевич Банов прошел вдоль пионерских шеренг, строгим взглядом оценивая внешний вид учащихся, потом вернулся на середину коридора, выслушал рапорты о готовности классных отрядов к линейке и сказал:

– Ну что, по учебе и другим показателям за прошедшую неделю первое место занял пионерский отряд пятого-А класса, и за это отряд премируется сегодня встречей с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Сильвием Григорием Маркеловичем.

Пионеры стояли, затаив дыхание. Их взгляды были прикованы к директору школы. Директор был одет в темный костюм, сидевший, однако, на нем несколько неуклюже, а на лацкане горел звездою орден Красного Знамени, на который то и дело «сползал» взгляд мальчишек, взгляд, полный зависти и восхищения.

– Ну что, – продолжал Василий Васильевич Банов. – Я понимаю, что было бы несправедливо полностью лишать остальные отряды встречи с кандидатом в депутаты, но в любом деле надо проявлять и твердость! Поэтому предлагаю каждому отряду делегировать на встречу по три лучших пионера, которые потом смогут доложить обо всем услышанном своим отрядам. Все, можно разойтись. А отряду пятого-А класса приказываю собраться в полном составе в красном уголке школы ровно через двадцать минут.

Пионеры разошлись по своим классам для открытого голосования по делегатам на встречу. Только пятый-А – двадцать восемь мальчишек и девчонок, сплоченных в один живой коллективный организм, вышли дружно на улицу поглязеть на проезжающие иногда грузовики. Петя Кольцов, их пионерский вожак, обязал Ваню Климчака быть ответственным за время, потому что у Вани были единственные на весь класс часы.

В Даевом переулке было тихо и грузовики не ездили. Девчонки собирались отдельно в кружок и принялись что-то обсуждать, а мальчишки стояли по двое – по трое, изредка перебрасываясь не очень важными словами.

И вдруг тихо подошла машина – черный «ЗИМ», – остановилась у входа в школу, и из нее вышел высокий коротко остриженный мужчина с кожаной черной документной папкой в руках. Он поправил воротник рубашки, дотронулся рукой до узла галстука, проверяя свою опрятность, потом поднялся на школьный порог.

Красный уголок, а располагался он в самом конце коридора, размером был чуть больше обычной классной комнаты, но всегда отличался завидной чистотой. Каждый учебный день по заведенному графику в нем убирали два человека, убирали на совесть. В графике значились не только ученики, но и учителя, включая директора школы. Во время этих уборок дежурные мыли пол, протирали углы, снимали со стен стенгазеты и прочие политические материалы и аккуратно вытирали с них пыль. Вот и в этот день красный уголок просто блестел. Пятый-А уже сидел на лучших местах, а в задние ряды стульев проходили делегаты от других пионерских отрядов.

Кому-то не хватило места, и догадливые мальчишки и девчонки составили стулья по два вместе и усаживались на них втроем.

Открылась дверь, и в уголок вошли директор и кандидат в депутаты. Вся ребятня встала и застыла торжественно.

– Здравствуйте, товарищи пионеры! – кандидат в депутаты кивнул ребятам и глянул на директора.

– Садитесь! – сказал директор.

– Смотри, какая у него родинка на щеке! – прошептала одна девочка-пионерка своей подружке.

– Да… – закивала вторая. – Так похож на полярника Ширшова!

– А ты что, его видела? – удивилась первая.

– Ага, в газете…

И вдруг, поймав на себе директорский взгляд, девочка запнулась и покраснела.

– В газете? – шепотом переспросила ее подружка, но вместо ответа получила легкий шлепок ладошкой по коленке.

– Ну что, – снова заговорил директор, оглядывая внимательные лица собравшихся ребят. – Разрешите представить вам кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР, директора прославленного завода «Серп и молот» Григория Маркеловича Сильина. Вы можете задать ему вопросы… ну и поговорить… Пожалуйста!

Директор вышел из комнаты, а кандидат в депутаты опустился на поставленный для него стул. Казалось, кандидат волнуется. По крайней мере, чувствовал он себя неловко, жевал свои толстые губы, словно обдумывал возможные ответы.

В первом ряду поднялась рука, и Григорий Маркелович кивнул низкорослому мальчишке, желавшему задать вопрос.

– Товарищ кандидат, расскажите о вашем детстве! – попросил мальчишка.

Сильин перестал жевать губы, поднес правую руку к лицу и в раздумье дотронулся пальцем до родинки на щеке.

– Ну, такого детства, как у вас, у меня, конечно, не было, – стал рассказывать кандидат в депутаты. – Родился я в деревне Панино Московской губернии. Сейчас это – Можайского района. В крестьянской семье. Отец был печником, и меня учил этому делу. Умер он рано, мне тогда пятнадцать лет было. Ну, пока он не умер, ездили мы с ним и с братом мамы по Подмосковью, на дачах печи клали, а как умер он, так и остановилась работа. Хорошо, что родственник мой устроил меня в техническую контору Гиллерта, была она тогда на Басманной. Стал я там учеником печника. Положили мне жалованья восемнадцать рублей в месяц на своих харчах… Вот такое детство было…

– А расскажите нам, пожалуйста, как жили рабочие-печники при старом грабительском строе! – попросила курносая девочка из первого ряда.

– Ну, как жили? – сам себя спросил кандидат в депутаты. – По утрам я пил кипяток без чая с булкой, в обед съедал фунта полтора ситного хлеба, обязательно черствого – он и стоил дешевле, и уходило его меньше. Вечером, когда уже и спину не разогнешь от усталости, забредешь в грязную харчевню, возьмешь там постных щей да каши. Вот, так сказать, рацион рабочего. Только по воскресеньям я в виде роскоши разрешал себе… не мясо, нет!.. фунт свежего ситного хлеба из крупчатки. Ведь был я еще мальчиком, и ой как хотелось чего-нибудь вкусного и хорошего. Что и говорить, страшная была жизнь. По воскресеньям десятник заставлял ходить в церковь, а вечером читать себе вслух газету «Русское слово». Иногда он уходил с друзьями в чайную, заказывал там чаю – пять копеек пары чая, и играл в карты, в любимого козла. Хорошо еще, что десятник непьющим был и меня приучал к трезвости. Остальные все пили, – да и как не запить от такой жизни!

В комнату тихонько притиснулись две старушки-учительницы и притаились, встав под стенкой и вслушиваясь в рассказ Сильина.

Снова поднялась детскская ручонка – в этот раз в третьем ряду с правой стороны, у окна.

– Пожалуйста-пожалуйста! – подбодрил кандидат в депутаты пионера, увидеть лицо которого он никак не мог – настолько тот был мал.

Мальчишка поднялся и как бы растерялся из-за того, что все на него обернулись.

– Ну, говори! – по-дружески улыбнулся ему Сильин.

— А... а вы на фронте были? — наконец спросил маленький пионер.

— Конечно, был, — Григорий Маркелович кивнул. — И в Первую мировую, но больше в Красной Армии. И скажу вам, что Красная Армия — это целый университет. Мы часто останавливались в бывших помещичьих имениях. И первым долгом искали библиотеку. Во время гражданской войны я успел прочитать почти всех классиков. А в зарядном ящике я всегда возил с собою две-три еще не прочитанных книги...

В комнату просочились тихонько еще три учителя: один старик-географ и двое двадцатилетних парней-физкультурников. Они попросили старушек-учительниц продвинуться дальше и сами заняли их места под стеной.

— Про завод расскажите! — попросил кто-то, даже не подняв руки.

Но кандидат в депутаты не обратил внимания на нарушение пионерского этикета.

— Про завод? — переспросил он и тут же стал рассказывать. — Ну, завод «Серп и молот» раньше звался заводом Гужона... Пришел я на него в двадцать первом после демобилизации. Напоминал он тогда кладбище — так тихо и заброшено все было. Типичная картина для заводов того времени: оборудование ржавело и портилось, работа производилась только в подсобных мастерских. То была пора «зажигалок», как принято говорить. Рабочие делали зажигалки, спичек ведь в то время всеобщей разрухи почти не было! Делали и другие ходкие товары, которые можно было выменять у крестьян на хлеб и картошку. В мартеновском цеху «Серпа и молота», куда я попал, работала только одна четырехтонная печь. То, что она действовала, представлялось чудом. Мне, пришедшему из Красной Армии и привыкшему к дисциплине и порядку, казалось диким то, что я увидел в цеху. Рабочие относились к заводу потребительски, чтоб не сказать хищнически. Производили топоры, шинное железо и еще что-то, что можно было менять на продукты. Железо расхищалось и уносилось за ворота. Сплошная масса состояла из одних шкурников и обывателей. Но на заводе оставалось немало и честных, сознательных рабочих. Группа таких товарищей устраивала на заводе засады и ловила шкурников, когда те таскали заводское железо. Ну вот еще несколько цифр, показывающих рост нашего завода.

И Сильин открыл черную кожаную документную папку, поковившуюся до того момента у него на коленях, достал оттуда листок бумаги и прочитал вслух: «В 1921 году на заводе работала одна печь, в лучшие дни она плавила 20 тонн в сутки, и это считалось хорошо. А сейчас у нас четыре новых печи, и дают они 750 тонн стали в сутки, и зарегистрирован уже рекорд — 948 тонн стали в сутки».

— Что еще сказать? — Сильин отвлекся от листка бумаги. — Тогда, в двадцать первом, завод выпускал проволоку на гвозди, костили, шинное и другое так называемое «торговое железо», а теперь мы плавим высококачественную сталь, идущую на укрепление обороноспособности республики. Но мне кажется, что это еще не все, что можно сделать. Надо — еще и еще вперед!

Закончив отвечать на последний вопрос, кандидат в депутаты вздохнул и посмотрел на свои ручные часы, потом перевел взгляд на пионеров. Увидел сразу три поднятых руки: двух мальчиков и девочки, желавших о чем-то спросить. Кивнул девочке, она встала, спросила:

— А как вы стали директором завода?

— Ну, для этого надо учиться, учиться и учиться... — Сильин развел руками. — Вот я и учился в вечерней рабочей школе, потом был мастером, в начале двадцать седьмого меня выбрали членом завкома. А в двадцать девятом, помню, случилась серьезная авария недавно отремонтированной мартеновской печи. Неожиданно обвалилась часть свода над камерами регенераторов. А это очень тесное и, главное, необычайно горячее место, залезть туда невозможно. Все потеряли голову. Остановливать печь на ремонт бессмысленно, продолжать работать — нельзя. Авария грозила выходом печи из строя на месяц — а это четыре с половиной тысячи тонн стали! Прибежал начальник цеха. Я предложил, несмотря на высокую температуру свода, пролезть туда, подвесить листы и заделать пробоины. Ничего подобного в нашей практике не было, и, однако, я настаивал на том, что после подвески листов температура в своде

снизится. Действительно, как только листы были подвешены, стало прохладнее, и я заделал дыру по своему способу. Печь могла продолжать нормально работать. Этот случай выдвинул меня в ряды лучших печников страны... Ну и многое похожего было... Я извиняюсь, товарищи пионеры, но, к сожалению, у меня еще сегодня две встречи с избирателями...

Григорий Маркелович Сильин поднялся. Пионеры тоже вскочили на ноги и долго хлопали, отбивая до красноты ладошки. Хлопали и две старушки-учительницы, и те учителя, что подошли под конец встречи.

На прощанье пионерский отряд пятого-А подарил кандидату в депутаты сувенирный отбойный молоток, который оказался довольно-таки тяжелым, несмотря на свой малый размер. Так, неся сувенир в левой руке, а документную папку в правой, Григорий Маркелович покинул красный уголок, зашел попрощаться к директору школы, но кабинет директора был закрыт, а посему направился кандидат в депутаты прямо на улицу, где ждала его казенная машина – черный «ЗИМ».

Василий Васильевич Банов сидел в это время на крыше трехэтажного здания школы и с грустью глядел, как между школой и далекой, но все еще видимой одной из башен Кремля медленно, но неумолимо поднималась громада строящегося высотного здания. Уже сейчас от той далекой башни виден был лишь кончик с рубиновой звездой, а уже следующий этаж новостройки скроет из виду эту звезду навсегда. Конечно, директор школы очень переживал по этому поводу. Была у него привычка два раза в году после принятия своих сорванцов в пионеры вытаскивать их сюда на крышу и показывать им видневшуюся часть Кремля. Теперь эта привычка должна была умереть, ведь больше ничего интересного с крыши школы видно не было. Ну разве что заход солнца за далекие дома, но этого пионерам не покажешь, ведь происходит заход солнца всегда в вечернее время, когда подопечные Банова сидят по домам и готовят домашние задания, так что останется ему, директору школы, забираться иногда на эту так любимую крышу в одиночестве и ждать иногда потрясающее красивого кроваво-красного заката. Из-за грустных раздумий вспомнилось Банову его славное революционное прошлое, в котором был он настоящим пулеметчиком и тоже страсть как любил крыши и колокольни, с которых открывался невероятный обзор. Да, в те времена был и обзор у Банова, и пулемет, и все было проще и понятнее, хотя и сейчас ничего особенно непонятного директору школы не встречалось, но то ли из-за того, что те времена пришли на яростную юность Василия Васильевича, а в нынешнее время он и чувствовал себя неважно по причине нездоровья, и путался в жизни часто из-за ее непомерной усложненности и перегруженности различными победами, но в общем радовался жизни он все меньше и реже. Видимо, как ни крути, приближалась старость, приближалась медленно, но неумолимо, будто знала она, что нет больше у него пулемета, и поэтому совсем его не боялась и иногда даже показывала свое обличье в маленьком прямоугольном зеркале с отбитым уголком, прислоненном к обратной стороне поломанного будильника, стоявшего извечно на столе в его тесной комнатушке, самой маленькой в той коммунальной квартире, что занял он полностью еще тогда, когда был у него родной «максим», а уже потом, когда не стало «максима», заняли и другие жильцы, сначала потеснив, а после уже и притеснив его достаточно, словно был он кем-то малозначительным и на этой земле ненужным.

Бросив печальный взгляд вниз, увидел директор отъезжающий от порога школы «ЗИМ» и понял, что закончилась встреча с кандидатом в депутаты. А раз закончилась, то разойдутся скоро и ученики, и учителя, и тогда надо будет закрывать школу до понедельника, но перед этим посидит Банов в пустой школе в своем кабинете, посидит, попьет чайку и посмотрит еще не раз в глаза портрета Дзержинского, висящего над его столом. Посмотрит пристально и строго, и будет думать об этом железном Феликсе, думать много и думать разное, потому что рассказал однажды Банову покойный ныне товарищ многое нехорошего про этого рыцаря революции, и, не зная, что из того было правдой, а что не было, да уже и не в состоянии узнать,

будет оставаться Банов в своем кабинете, в пустой школе, и часто смотреть вопросительным взглядом в глаза портрету, словно ожидая от него каких-либо разъяснений.

* * *

— Замучали они меня своей любознательностью! — жаловался Сильин шоферу по дороге. — Расскажите о своем детстве, о своем заводе!

Благо дорога была короткая. Заехали сначала на завод, где Григорий Маркелович удостоверился в том, что все в порядке, после чего снова сел в «ЗИМ», и повез его шофер на улицу Желябова, где в семиэтажном доме жил кандидат в депутаты.

— Подожди здесь, мы через пять минут спустимся! — сказал Сильин, выходя из автомобиля.

Дежурный дворник чуть старомодно поклонился, открывая перед директором завода двери парадного.

— Жена дома? — поинтересовался Сильин на ходу у дворника.

— Должно быть, не выходила... — ответил дворник.

Спешно зашел в квартиру и прямо в гостиную прошел, не сняв туфли. Тут же и остановился, недоуменно выпучив глаза на жену, стоявшую перед раскрытым шкафом, где висел арсенал ее платьев. Сама же она была одета в длинный халат зеленого цвета.

— Ты еще не готова?! — полуспросил-полувозмутился Григорий Маркелович. — Ты на часы глядела?

— Ой, Гриша, я еще не решила, в чем идти! — с досадой на лице ответила жена, выразительно махнув при этом рукой. — Дай мне еще пять минут.

— Ладно! — бросил Сильин и прошел в свой кабинет.

На левом крыле его большого письменного стола лежала толстая пачка одинаковых книжек. Сильин взял одну из них и положил ее в свою черную кожаную документную папку. Пришел в кресло, подумал о чем-то, глянул на свои часы и тут же вскочил и вернулся в гостиную.

Жена была уже одета. Длинное платье темно-изумрудного цвета, украшенное большой брошью-ящерицей, изящно подчеркивало ее чуть полноватую фигуру.

— Гриша, я не могу свои духи найти. Ты не видел?

Григорий Маркелович пожал плечами.

— Я же не спрашиваю тебя, куда подевался мой одеколон! — ответил он и тут же насторожился, услышав шум, доносившийся из комнаты жены.

— Это Клава, домработница! — объяснила жена.

— А разве у нее не выходной?

— Я попросила ее сегодня прийти, а выходной у нее будет в понедельник.

— Ну так у нее и спроси про духи, может, она их видела! — уже более дружелюбно посоветовал Григорий Маркелович.

Жена позвала Клаву. Та зашла в гостиную со щеткой для чистки ковров в руке — старая, сгорбленная, седая старушка, уже пятнадцать лет проработавшая у них.

— Да сын ваш унес куда! — ответила она на вопрос о духах и одеколоне. — Барышне какой подарил, может быть, вы ж ему денег не даете, а подарки нынче сами знаете почем.

Сильин подумал и согласился с предположениями домработницы Клавы. И тут же снова заторопился, случайно попав взглядом на настенные часы.

— Ну, Полечка, — взмолился он. — Мы же катастрофически опаздываем, прямо авария какая-то с тобой!

— Ну, пошли-пошли! — Поля выскочила в коридор, нагнувшись, чтобы отыскать или выбрать туфельки, а муж уже открыл двери на площадку и, держа их открытыми, стоял и ждал, подгоняя жену взглядом.

Наконец спустились и сели в машину.

— Я же обещал там быть в полпятого! — повторял жене Сильин и смотрел недовольно на свои часы, упрямо показывавшие пять минут шестого. — А еще ехать!

— Да через десять минут будем, Григорий Маркелович! — попробовал успокоить его шофер.

Сильин замолчал.

Так и промчались те десять минут, что были они в дороге.

Остановилась машина у ресторана «Столица».

Ничего не сказав шоферу, Сильин выбрался из «ЗИМа», подал жене руку. Поднялись по ступенькам и оказались в фойе, посреди которого росла пальма с листьями-пятернями. Слева за темным деревянным барьерчиком виднелся пустой гардероб — ненужный в такое теплое время.

Отдышавшись, Сильин подошел ко входу в зал, нашел взглядом метрдотеля, поманил его пальцем.

— Слушаю вас? — вкрадчиво спросил тот, приблизившись.

— Я заказывал банкетный стол на шесть персон на фамилию Сильина.

— Секундочку… — Метрдотель, кругленький и в то же время каким-то странным образом стройный мужчина с тонкими, словно нарисованными усиками, вытащил из кармана блокнот и, полистав его, остановился на одной испещренной мелким почерком страничке. — Сильин, шесть персон, есть, пойдемте, я вам покажу стол!

И метрдотель чуть семенящей походкой увлек за собою в зал Сильина и его супругу.

Необычный, чуть вытянутый восьмигранный стол располагался в самом тенистом уголке ресторанных зала. Отделен он был тремя кадками с молодыми финиковыми пальмами, которые в это время были в Москве чрезвычайно модными.

— Вот, видите, — говорил-пел метрдотель, остановившись у стола. — Сервировочка уже в порядке. Проверим заказанное меню! А вы присаживайтесь, присаживайтесь!

И метрдотель услужливо усадил пришедшую пару, потом снова заглянул в свой блокнот.

— Так… — Он сделал паузу, потом стал читать — Закуски холодные: салат картофельный с крабами, маслины, правильно?

Григорий Маркелович кивнул.

— Продолжим. Горячие закуски: судак орли, почки, жареные в масле… вот тут, во вторых блюдах замена, к сожалению… вы заказывали кижуча отварного, но, к сожалению… кижуч не очень хорошего качества, и я рекомендую вам взять муксун жареного с картофельными крокетами вместо гарнира… а?

Григорий Маркелович пожал плечами, повернулся к жене.

— Хорошо, — мягко произнесла Поля, которой не хотелось надолго оставлять метрдотеля в неудобном положении.

— Отлично, — обрадовался метрдотель. — Из супов три солянки сборных мясных по-ленинградски, два супа картофельных с осетриной и одна похлебка по-суворовски с расстегаями, это для вас, наверно?

Григорий Маркелович кивнул метрдотелю, и тот, удовлетворив свое скромное любопытство, продолжил:

— …и десерт — кофе по-варшавски и мороженое «Октябрь»…

— Это мороженое с орехами? — вдруг ожила Поля.

— Да, с орехами, малиново-земляничным сиропом и ломтиками ананаса, — отвечал метрдотель, глядя в зеленые глаза спросившей и в мыслях восхищаясь ее хорошим вкусом — темноизумрудное платье так неимоверно хорошо подходило к ее глазам.

— Все правильно? — Метрдотель с трудом перевел свой взгляд на мужчину с такой интеллигентной родинкой на щеке.

– Да, – твердо ответил Сильин.

Метрдотель, вежливо кивнув, отошел от стола. В ресторане было пустовато, но объяснялось это довольно легко – время еще не подоспело для обычно поздних застолий. Сильин глянул на часы, потом ожидательно посмотрел на двери, ведущие в ресторанный зал, и тут же лицо его оживилось, потому что увидел он там тех, кого нетерпеливо ждал: своего давнишнего приятеля, директора мебельной фабрики «Красное дерево» с женой Женечкой и партсека своего завода Поливанова со своей «вечной» невестой Соней. Стоя в широком проеме дверей, они искали его взглядом, но из-за этой пальмовой «засады» не могли увидеть. Сильин поднялся и заторопился к ним, и тут уж они его заметили, заулыбались радостно, пошли навстречу.

Когда расселись за столом, Сильин облегченно вздохнул.

– Ну… – желая начать разговор, но как-то еще не сообразив, с чего начать, заговорил Григорий Маркелович. – А мы думали, что опоздали… а пришли первыми…

– Да уж извини, сам знаешь, какая наша жизнь, – забасил директор «Красного дерева» Эдуард Бекетов. – Я уже и сам готов был, а тут Женечка что-то потеряла, вот, – он оглянулся на жену, – пришлось ждать.

Сильин улыбнулся и бросил чуть едковатый взгляд на свою супругу.

К столу подбежал метрдотель.

– Ой, извините, не заметил! – Лицо его выражало искреннюю растерянность. – Сейчас, секундочку, – он еще раз окинул внимательным взглядом сервировку стола и всплеснул руками, сам себя спросив озадаченно: – А где же мадерные рюмочки?!

И тут же перевел взгляд на Сильина.

– Дамы ведь мадеру будут, а… вы – водочку? Две «Кубанских» и две «Перцовки»? Да?

– Да-да! – радостно выдохнул партсек Поливанов. – С водочки и начинать полагается…

Метрдотель исчез и тут же появился с подносом, составил на стол открытые графины – один из синего стекла, второй – хрустальный.

– В синем – «Кубанская», а вот здесь «Перцовочка», – объяснял он, не глядя опуская пустой поднос на стоящий в стороне подсобный столик. Тут же в его руках появилась бутылка мадеры, он нежными жестами, какими-то замысловатыми просовываниями руки с бутылкой наполнил рюмочки дам, потом налил мужчинам водки – какой кто желал. И вновь исчез.

– Ну, кандидат, – заговорил Бекетов, поднимая рюмку. – За твою победу на выборах! Будешь нас в Верховном Совете представлять!

Дружно чокнулись, выпили, поискали глазами закуску.

– Вот-вот, все уже тут… – отвечая на немой вопрос в глазах посетителей, затараторил метрдотель, составляя с подноса на стол маленькие тарелочки, салаты, розеточки с маслинами.

Так и не выдохнув после выпитой водки, принялись гости закусывать, приятно давясь картофельным салатом и особенно радуясь, выловив в нем кусочек крабной палочки.

Завязался разговор, который время от времени возвращался к кандидатству Сильина, после чего каждый раз рюмочки наполнялись снова, но тосты уже не касались этой темы и были все разнообразнее и разнообразнее.

– А я вот и вспоминал недавно, как мы вместе работали, – заговорил Бекетов, серьезно глядя в глаза Григорию Маркеловичу. – Ты же помнишь, Гриша… Ту аварию помнишь?

Сильин погрустнел. Не хотелось в этот славный день вспоминать о трудных буднях из прошлого. Конечно, он помнил ту аварию. Тогда в камере прогорел столб, через который подается горячий воздух. Получился обвал. Ох и много тогда пришлось повозиться и понервничать, и только правильное решение Сильина да поддержка начальника цеха Королева спасли положение. Бекетов был тогда партсеком цеха и обещал полную поддержку партийного комитета – он тоже верил в идею Сильина отключить камеру горячего воздуха и наполнить ее водой на несколько часов, чтобы потом, когда она уже остынет, отремонтировать, что называется, «на ходу». «Да, – подумал Сильин, – это было трудное время…»

Принесли супы. Разговор затих. А на эстраде появился маленький оркестрик – человек пять. Ресторан постепенно наполнялся посетителями, обрывки разговоров носились в воздухе, добавляя в атмосферу вечера чьи-то проблемы и радости. Рядом, за пальмами, группа кондитеров с семьями отмечала юбилей своей фабрики. Они то и дело произносили какие-то свои профессиональные слова, и из-за этого Поле, сидевшей к ним спиной, казалось, что и воздух, которым она дышала, и суп картофельный с осетриной, который ела, были сладковатыми, словно все вокруг было покрыто незаметным слоем мельчайшей ванили.

«Вечная» невеста Поливанова, учительница одной из вечерних школ, одновременно с поеданием супа умудрялась поворачивать голову в полупрофиль то влево, то вправо, желая таким образом показать своим соседкам новенькие золотые серьги с крупными каплевидными рубинами. Это немного раздражало Полю, но виду она не подавала и даже как будто не замечала сережек Сонечки.

Снова появился метрдотель, самолично наполнил рюмочки, потом наклонился к Сильину и прошептал:

– Извините, конечно, это ваш портрет вчера в «Правде» опубликовали? Тут у одного официанта газета на работе…

– Да, мой, – не шепотом, но негромко ответил Григорий Маркелович.

Метрдотель, стоя сбоку от кандидата, облизывал губы, словно обдумывал следующий вопрос. Но тут на эстраде появился низенький мужчина в лакированных туфлях, черных брюках и смокинге.

– Прошу минуту внимания! – громко произнес он тонковатым голосом, приподняв выше обычного подбородок и оглядывая зал.

Стало тихо, и в этой тишине мужчина, привлекший общее внимание, хлопнул в ладоши, и девочкоподобная женщина в цирковом наряде, видимо его ассистентка, вынесла на эстраду клетку с большим сине-зеленым попугаем.

– Вот! – громко выкрикнул мужчина, открывая дверцу клетки.

Попугай выбрался, уцепился когтями за руку мужчины и закрутил клювом по сторонам.

– Вот! – повторил мужчина. – На удивление всем образованнейшая птица для вас… Ну, прочти, Кузьма, что ты для нас выучил!

Посетители ресторана дружно рассмеялись, захлопали. Мужчина в смокинге поклонился и заставил поклониться своего попугая, потом сошел с эстрады и исчез в коридорчике, из которого то и дело «выныривали» опрятные официанты с заставленными едою подносами в руках.

Сильин обернулся, вспомнив о стоявшем за спиной метрдотеле, но того уже не было рядом.

Бекетов снова разливал водку, о дамах он как-то не сообразил позаботиться, и Григорий Маркелович решил исправить ошибку.

– Ай-яй-яй, Эдя, – шутливо погрозил он товарищу пальцем, – что это ты все нам да нам, а про прекрасный пол забыл!

Эдя, уже чуть захмелевший, протянул было левую руку к мадере, но Сильин проворно рывком взял бутылку со стола и сам стал проявлять хороший тон.

Поливанов, доев своего мускуса, потянулся вилкой к маслинкам.

– Роберт Анатольевич, – зашептала ему Соня, – вы больше не пейте, вам же нельзя!

Поливанов кивнул, разжевал масленик и опустил губами косточку на уже пустую тарелку. Вскоре произошла очередная смена блюд.

На эстраде что-то легкое заиграл оркестрик.

– Ну а какие у тебя последние рекорды? – спросил Бекетов у Сильина, держа в руках рюмочку с водкой.

– 948 тонн в сутки, – ответил Григорий Маркелович.

– Ну, давай тогда за рекорды! – предложил директор «Красного дерева».

Тост поддержали и Поля, и Поливанов, хотя Соня и дергала его за рукав, и из-за этого он чуть не разлил свою водку.

– За рекорды! – повторил партсек и, с трудом выдохнув воздух, выпил.

– А полторы тысячи тонн в сутки дать можешь? – Бекетов азартно уставился в глаза Сильину. – Такой рекорд слабо?

Сильин словно протрезвел. Лицо его стало серьезным.

– Думаю, что можно, – сказал он уверенно.

– Не-е-ет… – промычал Поливанов. – На наших печах столько не дашь.

Сильин удивленно посмотрел на партсека, прищурился, все еще продолжая думать.

– А я считаю, что можно, – сказал, как отрубил, он.

– На спор! – предложил руку директор мебельной фабрики.

– Добро, – согласился Григорий Маркелович. – Что ставишь?

– Хороший шкаф, бочку икры и ящик грузинского коньяка.

– Идет, – согласился кандидат и сжал что было силы ладонь Бекетова, потом попросил Поливанова перебить.

Поливанов перебил руки, но сам замотал головой и сказал, нечетко произнося слова:

– Одной штурмовщиной этого не сделаешь…

– Эх, Роберт Анатольевич, – посмотрел на него Сильин. – Нет, чтобы поддержать своего директора. Я ведь, не подумав, ничего не говорю. Есть у меня давняя мысль: если на наших печах изолировать шибера от холодного воздуха и колпаки поставить – сразу ход улучшится, а это что значит??!

Поливанов кивнул, показывая свое согласие.

Метрдотель принес мороженое «Октябрь» и кофе по-варшавски.

Видно, он слышал часть последнего разговора, а если точнее сказать – спор. Расставив все аккуратно, он обернулся к Сильину и сказал:

– Тут мы с товарищами-коллегами посоветовались и решили уплатить за ваш дружеский ужин десять процентов от счета… это как наша поддержка кандидата в депутаты… И еще хочу сказать, что во всякой профессии есть сложные слова и понятия. Вот вы сказали «шибера». Я, конечно, не знаю, что это. Но и у нас есть словечки, что язык поломать можно. Вот, к примеру, кокильницы или кокотницы, или вот стакан конический… А ведь это еще не названия блюд, там, в блюдах, такие названия есть, что почище ваших «шиберов»…

– Да вы присядьте к нам, поговорим, может, выпьете с нами, товарищ метрдотель! – обратился к работнику ресторана Бекетов. – Очень просим.

– Ну, если товарищем назвали, то не присесть нельзя, – кивнул метрдотель, приставил еще один стул и присел рядом с кандидатом в депутаты.

Поговорили они еще с полчаса, время от времени опрокидывая в рот рюмочки. Потом допили женскую мадеру, потому что дамы уже пили кофе.

Тут кстати Соня и спросила:

– Товарищ метрдотель, а почему кофе называется «по-варшавски»? Это просто так, для красоты?

– Что вы, что вы! – не согласился метрдотель. – Кофе по-варшавски готовят на топленом молоке с добавлением сахара, а поверх него еще кладут молочную пенку. Вы не думайте, что это, мол, все одно и то же, а только названия разные. Кофе как угодно делать можно. Вот и кофе по-венски есть, кофе по-турецки… Это все разные напитки…

Ко времени закрытия ресторана дружба между метрдотелем и компанией Сильина укрепилась основательно, и метрдотель, прощаясь, требовал, чтобы больше в жизни посетители ни в один московский ресторан, кроме «Столицы», не ходили.

Сильин попросил счет написать поразборчивее, так как профсоюз обещал оплатить половину, а следовательно счет, как финансовый документ, должен был прикрепиться к какому-нибудь профсоюзному отчету.

Перед тем как выходить на улицу Григорий Маркелович со своим давнишним приятелем Бекетовым зашли в ресторанный туалет по понятному делу. Помыли руки, стоя перед широченным во всю стену зеркалом, вытерли их висевшим тут же махровым полотенцем.

– Маркелыч, – обратился к приятелю Бекетов. – Я тут не хотел при других…

И он полез рукою во внутренний карман пиджака.

– Ты у меня прошлый раз… как-то видно оторвался… – и директор мебельной фабрики протянул Сильину орден Красного Знамени.

– Ну слава Богу… – Сильин чуть не опустился на корточки, почувствовав от волнения слабость в ногах. – А я уже думал: на улице потерял, и даже пионерам не сказал, что орденом меня наградили. Боялся: попросят показать… Ну спасибо, друг, огромнейшее спасибо… Я его сейчас и нацеплю…

И кандидат в депутаты прикрепил орден к положенному месту на своем пиджаке, осмотрел себя скрупулезно в зеркале и, похлопав дружески Бекетова по плечу, сказал:

– Ну, пошли, наши дамы заждались наверно!

Выходя на улицу, Сильин огорчился, обнаружив отсутствие «ЗИМа» и своего шоferа. Ему так хотелось развезти всех по домам, но теперь, ясное дело, даже самому придется пешком идти или такси брать.

Тут же и попрощались у ресторанных дверей, пообещав друг другу созвониться в ближайшее время. Естественно, Поливанов напомнил о грядущем своем дне рождения, так что повод собраться действительно был серьезным.

Шли Сильин с Полей по пустынным, но хорошо освещенным улицам Москвы молча. Оба были уставшие и захмелевшие. Поля думала о Сониных сережках и вздыхала, понимая, что муж ее такого желания не одобрят. Сам Григорий Маркелович на ходу чертил мысленный чертеж своей рационализаторской идеи, благодаря которой планировал он поставить новый рекорд в сталеварном деле. О споре он как-то особенно не думал, будучи уверенным в том, что выиграет его без труда, – главное, как он уже понял, это изолировать шибера от холодного воздуха.

Где-то по параллельной улице прозвенел жизнерадостноочной трамвай. Отвлек и Полю, и Григория Маркеловича от мыслей. Дорогу впереди пересекли два конных милиционера, находившихся в ночном патруле.

Все было обыденно и мирно. Город спал крепко, и, если взглянуть с высоты дирижабля, только фабрики и заводы беспрерывного цикла, а еще пекарни и газетные типографии являли собою гнезда яркого рабочего света, не подчиняясь биологическим законам о ночном сне живых организмов.

И вдруг тонкий недобрый свист раздался в ушах у Поли, и она почувствовала, как стала невероятно тяжелой рука ее мужа под ее рукой, и, обернувшись, увидела, как оседает он на землю, закрыв другую рукою свой трудовой орден.

– Что с тобой? Что? – наклоняясь, спрашивала Поля, думая, что мужу нехорошо из-за того, что он смешал водку с мадерой. – Что, Гриша?

А Гриша уже неуклюже лежал на тротуаре, и глаза его, застыv, смотрели вверх на московское небо.

Холодный пот выступил на Полином лбу, и увидела она, как рука ее мужа соскользнула с ордена. Опухла она на колени; ее отчаянный взгляд увидел, что в самой сердце ордена – дырка, а все вокруг ордена в крови, и это черное пятно расползается, делаясь все больше и больше…

– Товарищи! – закричала Поля. – Спасите! Люди! Товарищи! Кто-нибудь!

Она уже молчала, зажав руками рот, сдерживая себя от рвущихся наружу рыданий, но эхо ее слов еще звучало, разносясь по ночным московским улицам, и зажигался в окнах свет, кто-то уже выбегал из парадных, глядываясь в ночь ища в ней кого-то, зовущего на помощь.

А по той улице, на которой лежал мертвый Сильин, уже скакали на конях патрульные милиционеры.

* * *

– Нет, не герой... – с досадой думала пуля, поднимаясь над огромным городом, который под ней делался все светлее и светлее, думая, что светом своих лампочек еще сможет спасти кого-то от беды. Бедный город... На этот раз он опоздал, и приехавшей машине скорой больничной помощи пришлось уехать тут же. Лежавшему на тротуаре человеку помочь было нечем.

Глава 9

В это осенне утро солнце, взойдя над Кремлем, задержалось ненадолго над Спасскими воротами, где начальник правительенного мотоциклетного эскорта капитан НКВД Блинов докладывал ответрабу о готовности, задержалось и снова медленными темпами поползло на дальнейшее, а в сущности своей и бездонное, небо. Вот как раз при этом движении один из лучей солнца, преломившись о рубиновую звезду Спасской башни, попал в глаза капитану Блинову, заставив его зажмуриться, нарушив торжественность рапорта. Ответраб, а был это Виктор Степанович, бросил на светило улыбчивый взгляд и сказал: «Ярко же светит, проклятое!»

Рядом остановился черный автомобиль, из которого вышел все еще сонный Павел Александрович Добрынин, крепко сжимавший в правой руке свою котомку. Вышел, тоже посмотрел на солнце, потом на стоящие в ряд красавцы-мотоциклы. Подумал о служебной жене, оставшейся в служебной квартире, вспомнил, как тепло провожала она его в это утро, как поцеловала в щеку, как подарила в дорогу безопасную бритву, на ручке которой было написано аккуратным металлическим почерком «Мужу от жены».

А сбоку к народному контролеру уже подводили под уздцы белого коня. Подводил его стройный красивый парень, на котором чистый синий фартук был повязан поверх сероватого комбинезона.

– Товарищ Добрынин! – обратился он к народному контролеру. – Получите коня и паспорт.

– Паспорт? Мне? – обрадовался совсем уж этого не ожидавший Павел.

– Нет… – смутился кремлевский конюх. – На коня паспорт.

И он протянул народному контролеру красную книжицу размером с пол-ладони.

Павел открыл паспорт. Из этого документа он узнал, что конь у него орловской породы, зовут его Григорий и возраст у него два с половиной года. В подтверждение написанного в нижнем правом углу документа стояла жирная фиолетовая печать.

Спрятав конский паспорт в карман штанов, Павел осмотрел коня знающим взглядом и не нашел в нем ни малейшего изъяна – было похоже, что коня этого растили специально для выставки – настолько он был хорош и силен.

Между тем, время придвигалось к полудню, и маявшиеся пока без дела милиционеры эскорта то и дело посматривали на главные часы, словно хотели силой взглядов своих ускорить размеженное движение минутной стрелки.

Подошел Виктор Степанович, настойчиво попросил доверить ему котомку на время переезда, пообещав, что на аэродроме вернет ее в целости и сохранности. Отнес ее в автомобиль, после чего подал команду капитану Блинову, а капитан Блинов в свою очередь рявкнул на своих подчиненных, и они бросились к блестящим от полировки двухколесным машинам, вывели их на дорогу, построившись при этом попарно.

– Ну, товарищ Добрынин, я на машине впереди буду, – заговорил Виктор Степанович. – Дорогу вам показывать. Ехать буду медленно. А эскорт для порядка сзади поедет. Конь у вас послушный, дорога отсюда до аэродрома от транспорта очищена, так что садитесь на коня, и как двенадцать пробьет – тронемся.

Когда затих двенадцатый удар главных часов страны, процессия покинула территорию Кремля и медленно поплыла по улицам и проспектам столицы.

Показалось Павлу, что конь сам знает, куда они направляются, потому как шел он следом за автомобилем, в котором ехал Виктор Степанович, не обращая особого внимания на попытки Павла руководить его движением.

Процессия, урчащая моторами мотоциклетного эскорта, двигалась спокойно, привлекая внимание немногочисленных в этот рабочий час пешеходов, а Павел смотрел по сторонам, скользил взглядом по облицовочному граниту зданий. И в смотрении этом был спокоен, пока не увидел сверкающее витринами нечто, украшенное сверху бросающейся в глаза надписью «ГАСТРОНОМ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ». И огромные, широкие и прозрачные двери в этот гастроном были настежь открыты. Люди входили и выходили через эти двери. И сам народный контролер захотел было всадить правой ногой в бок коня, чтобы все-таки заставить его послушаться своего хозяина и свернуть туда, куда хозяин хочет. А хозяин, помня деревянную лавочку в селе Крошкино, где единственным более или менее постоянным товаром были спички, хотел прямо на белом коне въехать в открытые двери и со своей новой высоты взглянуть на полки этого гастронома, на невиданные и виданные товары, и, может быть, даже купить что-нибудь, или принять что-нибудь в подарок и тут же попросить хотя бы того же Виктора Степановича отослать часть подарка в село Крошкино жене Маняше и детям, а вторую часть подарка – конечно меньшую – передать Марии Игнатьевне с благодарностью и добрыми по отношению к ней чувствами. Но тут же подумал он о том, что денег в его карманах, кроме той мелочи, что лежала там еще до колхозного собрания, нету, а мелочи той разве что на спички может хватить, но не на большее. И задумал он по приезде на аэродром спросить Виктора Степановича о деньгах, ведь без них ни жить, ни работать нельзя.

А желанный гастроном тем временем остался позади и в памяти у народного контролера, и успокоил себя Павел мыслью о том, что в следующий свой приезд обязательно зайдет туда и купит чего-нибудь.

Из-за отсутствия часов не знал народный контролер, сколько времени занял этот конно-машинный переход, однако желудочное чувство, напомнившее о необходимости приема пищи, подсказало, что обеденное время уже закончилось.

Когда процессия достигла аэродрома, расположенного в нежилой части столицы, мотоциклетный эскорт развернулся и уехал обратно, громко взревев на прощанье двигателями.

Народный контролер спрыгнул с коня, подошел к остановившейся впереди машине. Метрах в пятидесяти от нее стояла деревянная будочка, раскрашенная в белые и красные полосы, с ветроопределителем на крыше. Сачок ветроопределителя то надувался, то опадал, что говорило о непостоянстве движения воздушных масс.

Дальше, за будочкой, виднелся самолет среднего размера, а за самолетом уже ничего не виднелось: там простиралось обширное поле, зеленое и гладкое, без единого горбика.

Зашли в будку и познакомились с летчиком.

Потом пили чай и ели специально приготовленные для них бутерброды с мягким ливером. И вот за чаем Павел спросил Виктора Степановича о деньгах.

– Ты не беспокойся! – ответил на это Виктор Степанович. – Удостоверение народного контролера у тебя есть?

– Есть, – подтвердил Павел.

– Ну а раз есть, то деньги тебе не нужны. По предъявлении этого удостоверения тебя обязаны кормить, снабжать мануфактурой и готовой одеждой, а также и другими необходимыми вещами. Понятно?

Народный контролер кивнул, глотнул чаю, доел второй бутерброд.

– Мы распорядились, – добавил Виктор Степанович. – Так что там тебя встретят и введут в курс дела.

Павел еще раз кивнул.

– Я тут радио слушал, – сказал, прожевывая пищу, летчик. – Так в Киеве сегодня первый троллейбус пустили…

– Он не из Киева! – отрезал строгим голосом Виктор Степанович.

– А-а… – понимающе протянул летчик. – Ну… можно лететь?

— Сейчас полетите... — проговорил Виктор Степанович, думая о чем-то своем.

Минут через пять вышли из будки. Конь послушно стоял у автомобиля, из которого доносился невыразительный храп шофера. Шофера разбудили; общими усилиями затолкали коня по трехступенчатому трапу в грузовой отсек самолета. Потом летчик помог Павлу натянуть на голову тесноватый шлем и, усадив его в кабине, возвратился на землю, чтобы запустить винты. Сначала запустил левый, потом правый.

А Виктор Степанович отошел в сторонку и оттуда время от времени махал рукой народному контролеру, на что Павел отвечал тем же. Настроение у Павла было возбужденное, а тут еще дрожание самолета неприятно отдавалось в животе, да и страшновато было первый раз в жизни лететь на этой крылатой машине. Одним себя успокаивал народный контролер — мыслью об огромном доверии Родины, пославшей его в этот полет, мыслью о будущей жизни, о работе и о всем прекрасном, которое неизбежно должно было встретиться ему на пути.

А машина внезапно дернулась и побежала по полю, подпрыгивая на невидимых горбинках земли. Павел испугался потому, что, как показалось ему, летчик остался там, сзади, но, найдя его взглядом на положенном месте со штурвалом в руках, народный контролер успокоился, мысленно перекрестился и замер. Замер в ожидании того момента, когда самолет оторвется от земли и вспарит в такое глубокое и безоблачное небо.

Через какие-то мгновения самолет действительно взлетел, и дрожание его ослабло. Павла начало укачивать, и он заснул.

Глава 10

В кузове сиделось неудобно, и хоть все пятеро подпирали спинами борта, но на ухабах этойочной дороги их так подбрасывало, что даже потирать ушибленные места они быстро устали. Молча сносили грубости грунтовой дороги, пролегшей среди полей, и два красноармейца, конвоировавшие арестованных. Дезертир в сарафанной «рубашке» иногда сползаял на днище кузова и засыпал до следующего ухаба. Беглый колхозник рыскал взглядом по звездам, рассыпанным щедрою рукою космоса по ночному небу. Ангел с грустью думал о покинутом Рае.

Чиркнула спичка, и один из красноармейцев закурил.

Машина билась колесами о неровности дороги и от этого дрожала и подпрыгивала.

Снова подбросило сидевших в кузове, и дезертир, в очередной раз проснувшись, чертыхнулся громко и матерно.

Беглый колхозник отчего-то причмокнул губами, все еще глядя в небо. Он словно увидел там что-то любопытное и так задрал голову, чтобы это любопытное рассмотреть, что привлек к себе внимание остальных.

– Че там? – спросил дезертир, тоже запустив свой взгляд кенным звездам.

– Да есть там одна... – загадочно произнес колхозник, будто специально хотел озадачить соседей по кузову.

– Че одна? Звезда, что ли? – не унимался дезертир.

– Ага, – кивнул беглый труженик полей.

Ангел отвлекся от своих грустных воспоминаний и прислушался к странному разговору.

Красноармейцы тоже вроде как замерли и пытались так заглянуть туда, на звезды, чтоб арестованным это было незаметно.

– Ну а че она? – дезертир придвигнулся к беглому колхознику и ткнул его локтем в бок, чтоб тот стал поразговорчивее.

– Да она это... она путеуказующая, Архипкой зовется...

– Звезда? Архипкой? – переспросил дезертир.

– Ну да, – снова кивнул бывший колхозник. – Если за ней семь ночей идти – обязательно в Новые Палестины попадешь.

Красноармейцы, подпирающие внутренний борт, за которым начиналась кабина водителя, заерзали и перелезли под правый борт поближе к рассказчику.

– А че там, в этих Палестинах? – спросил один из них.

– Там хорошо, – протянул беглый колхозник. – Там чернозем легкий, как гусиный пух, и растет в нем все, что не тыкни!

– Да ну?! – не поверил второй красноармеец. – А если камень ткнуть?

– То и камень будет расти! – уверил его арестованный колхозник.

– Ну это ты врешь! – сказал дезертир.

– Может, и вру, – пожал плечами колхозник. – Но только там оно и есть – царство справедливости, и те, кто туда попадает, уже никогда назад не возвращаются.

– А ты че, был там, что так много знаешь? – спросил второй красноармеец.

– Хэ-э, если б я туда дошел – хрен бы вы меня поймали! – мечтательно произнес беглый колхозник.

– А ты че, туда шел? – заинтересовался первый красноармеец.

– А куда мне еще? – выдохнул парень в суконной рванине.

И после этих его слов, произнесенных с чувственным надрывом, нависла над кузовом такая дивная тишина, что и шум мотора она собою заглушила. Замолчали все, и настроение у них стало тревожно-тосклившим. Каждый задумался о царстве справедливости, где чернозем

легок, как гусиный пух. Каждый налился тревогой и ожиданием дрожи, словно знали они, что где-то рядом с ними волк на звезды смотрит и вот-вот выть начнет.

И даже ангелу передалось это тревожное ожидание. И вселилась в его мысли надежда, что именно там, в Новых Палестинах, возможно найти праведников, и уж тогда он точно останется с ними, чтобы пройти вместе земной путь и проводить их в ворота Рая. Что тогда скажут его братья и сестры? Что они скажут? Они наверняка обнимут его и, ни слова не говоря, простят ему побег. Но чтобы попасть в эти Палестины, надо было именно туда и ехать, а их везли, как подозревал ангел, а другие уж точно знали, в совсем другую сторону. Однако все-таки ангел повернулся к ближайшему красноармейцу и спросил его:

– А мы сейчас не в Новые Палестины едем?

Красноармеец вместо того, чтобы ответить, задумался. Стал выковыривать что-то желтым пальцем из такого же цвета зубов. А ангел все смотрел ему в глаза, ожидая.

– А ты ту звезду хорошо знаешь? – спросил вдруг у беглого колхозника второй красноармеец.

– А то как же, – ответил тот. – Я на нее уже давно посматривал… Ни в жисть не перепутаю.

И снова зависла над ними безголосая тишина.

А машина не спеша, вразвалку ехала по ухабистой проселочной дороге. Главный красноармеец спал молодецким сном, склонив голову на левое плечо. Из-за тряски голова его болтала и время от времени ударялась в плечо водителя, однако тот не обращал на спящего командира никакого внимания и думал лишь о том, чтобы не закончилось горючее, без которого грузовик станет как памятник и с места не сдвинется.

А в кузове вновь зазвучал человеческий голос.

– А что, если б нам всем туда рвануть? А? Нас туда пустят? – на одном дыхании выпалил дезертир и тут же обвел всех горячечным взглядом.

– Конечно, пустят, – ответил на это бывший колхозник. – Туда всех пускают, которые хочут по справедливости жить.

– Ну, может, и… – произнес первый красноармеец и покосился на второго.

– Да ладно… – кивнул второй. – Чего там??!

Ангел никак не мог полностью понять красноармейцев, но в голосах их он уловил, что и эти люди не прочь были пожить при справедливости.

– Так, может, сиганем все и пойдем туда, за звездой этой, Архипкой? – снова выпалил дезертир, жадно вглядываясь в проколотое звездами небо.

– А кто первый? – осторожно спросил первый красноармеец.

– Кто-кто, конечно, Красная Армия! – ответил дезертир.

– Нет, – не согласился первый красноармеец. – Мы конвой, мы должны последние прыгать.

– Ну ладно! – Беглый колхозник привстал с дощатого пола кузова. – Тогда я первый!

И, подойдя к заднему борту, он перекрестился и прыгнул.

– Ну че? Кто там следующий? Давай ты, ангел чокнутый! – обратился к ангелу дезертир.

Ангел подошел к заднему борту, и хоть было ему страшновато, но все-таки подпрыгнул он на месте, и тут же машина словно выскочила из-под него, и приземлился он на землю, и сразу же бросило его на спину, перевернуло через себя. А машина уже удалялась, и звук ее мотора становился все тише и тише, словно втягивался он в особую звуковую воронку, которая, как обычный речной водоворот, заглатывала любой шум, убирая его таким образом из природы.

– Эй! – донесся до ангела голос беглого колхозника. – Есть кто еще?

– Я есть! – крикнул ему в ответ ангел и, поднявшись на ноги, пошел на голос.

– Не ушибся? – спросил крестьянин.

– Нет.

– Ну пошли тогда, остальных соберем! – предложил бывший колхозник, и потопали они под звездами в сторону уехавшей от них машины.

Минут через десять нашли они дезертира, неудачно спрыгнувшего с кузова и оттого теперь хромавшего на правую ногу.

– Ну че, пойдем этих вояк найдем и отправимся! – предложил крестьянин.

– А на хрена они тебе нужны! – вдруг довольно злым голосом проговорил дезертир. – Там только Красной Армии не хватало!

– Нехорошо, – как-то заторможенно проговорил беглый колхозник. – Они ж тоже справедливости хотели… без них мы бы и не спрыгнули!

– Да, надо их найти… – поддержал крестьянина ангел.

Дезертир сплюнул на ночную землю. Потом сказал: «Ладно, пошли!»

И отправились они втроем на поиски спрыгнувших красноармейцев.

Первого нашли быстро. Он сидел посреди дороги и грустил.

– Ты чего? – спросил его дезертир.

– Да вот приклад обломался об землю, когда я прыгал… Несправное теперь ружье…

– Это не страшно, – успокоил его крестьянин. – Там оно тебе все равно не нужно. Там не стреляют.

Услышав эти слова, красноармеец вроде как перестал грустить, поднялся на ноги, и пошли они уже вчетвером разыскивать последнего участника побега. Долго шли они по дороге и уже начали было подозревать, что второй красноармеец не прыгнул: то ли испугался ноги поломать, то ли побоялся, что поймают его и как дезертира расстреляют ржавой пулей.

Но опасения не подтвердились.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул вдруг кто-то из-за спин идущих.

Вздрогнули они, но тут же услышали хохот и поняли, что это второй красноармеец так пошутил.

– Ну че? – Он подошел и сразу строго посмотрел в глаза беглому колхознику. – Давай, показывай, где твоя Архипка!

Колхозник внимательно уставился в звездные скопления, а потом подвел под свой взгляд правую руку с выставленным указательным пальцем, подровнял палец по своим глазам, словно был это не палец, а прицел. И сказал:

– А вон она! Такая неприметная и светит послабше других!

Все посмотрели примерно туда, куда тыкал его указательный палец.

– Так там они все такие?! – недоумленно выговорил дезертир.

– Ну так а как же я тебе иначе покажу? – спросил беглый колхозник. – Я-то ее знаю, а для тебя что одна, что другая…

– Ты ладно, – сказал красноармеец, обломавший ружье. – Ты давай веди, а то скоро светать начнет, а мы еще даже в дорогу не тронулись!

– Ну так пошли! – скомандовал беглый колхозник и зашагал серьезно и уверенно прямо по незапаханному полю туда, куда указывала ему не знаемая другими звезда Архипка.

Шли они долго, пока высунувшиеся из-за горизонта лучи не разогнали ночную темень. А когда разошлась темнота, растворилась в прозрачном воздухе, остановился беглый колхозник и остальных остановил, говоря: «Теперь обождем до вечера, и останется еще шесть ночей пути».

Остальные послушно опустились на зеленую траву, прилегли. Отдыхать стали. Ангел тоже прилег, и сразу его сон сморил. Хорошо ему было и так, и во сне тоже.

А над травой пчелы жужжали, порхали бабочки, и вообще проснулась жизнь земная, проснулась и запела на разные птичьи манеры и насекомые голоса.

Постепенно и остальные путники уснули сладко и приятно, согреваемые мечтою о Новых Палестинах, где чернозем легок, как гусиный пух, и все живут по справедливости.

Глава 11

Осенним вечером, когда краски заходящего солнца были особенно ярки, Василий Васильевич Банов сидел на крыше возглавляемой им школы и смотрел на небо.

Позади было курортное лето, и воспоминания о нем еще согревали душу, однако одними воспоминаниями, даже если это воспоминания о юге, не согреешься. И поэтому постоянно отвлекался Василий Васильевич от прошлого, постоянно задумывался о работе, о только недавно начавшемся образовательном процессе, через который надо было качественно и полноценно пропустить добрые четыре сотни своих воспитанников. И действительно, было о чем ему подумать, ведь одно дело – утвержденный в Наркомпросе план, и другое дело – реальная жизнь, к которой каждый день что-то добавляется, обогащая или же просто усложняя ее. Вот и сейчас никак не мог припомнить директор школы, какие были запланированы на осень воспитательно-трудовые экскурсии на московские заводы. Не мог, и все тут. Не та уже память!

А небо темнело. Виноградные гроздья звезд опускались с невидимых веток. Затихал шум большого столичного города.

Директор Банов слез с крыши и зашел в свой кабинет. Там, перед тем как сесть за широкий письменный стол, зажег примус, подкачал его и поставил чайник с водой.

Достал утвержденные Наркомпросом планы, просмотрел их и тут же спрятал в верхний ящик стола. Снова задумался.

И вдруг затенькал телефон, и Банов, уставившись на черный аппарат, обомлел ненадолго. В школе ведь никого нет и не должно быть в такое позднее время, а аппарат словно был живым и знал о том, что он, Василий Васильевич Банов, сидит именно у себя в кабинете и собирается пить чай.

В конце концов директор школы снял трубку.

– Товарищ Банов? – спросил четкий мужской голос.

– Да.

– Это Буртенко, из Наркомпроса, ночной дежурный. К вам сейчас приедет посыльный с пакетом. Отнеситесь к этому очень серьезно! До свидания!

И запикали короткие гудки из положенной на стол трубки.

Вскипела вода. Василий Васильевич затушил огонь примуса, потом положил трубку на телефонный аппарат.

Вскоре донесся до его слуха звонок. Теперь надо было вставать и идти на первый этаж, чтобы открыть дверь посыльному.

Внизу, идя по тускло освещенному дежурным красным светом коридору, он снова услышал нетерпеливый звонок и прибавил шагу.

Открыл дверь и тут же наткнулся на недовольный прищуренный взгляд худощавого человека средних лет в военной форме.

– Вам пакет! – отчеканил человек, протягивая объемистую бумажную упаковку с сургучной печатью.

Все еще озадаченный, директор школы взял пакет и хотел было пригласить посыльного подняться к нему на второй этаж выпить чаю, но тот, не попрощавшись, развернулся и растворился в полумраке Даева переулка.

Закрыв дверь, Василий Васильевич Банов вернулся в свой кабинет, бросил в чайник щепотку грузинского чая и, усевшись, принялся за содержимое пакета.

Внутри пакета оказалось два обычных конверта. Один из них содержал плотную пачку новых педагогических рекомендаций, а во втором находился всего лишь один-единственный листок, но в нижней его части, после отпечатанного типографским способом текста, стояла

жирная фиолетовая печать с гербом страны во внутреннем круге, а рядом в столбик стояли – каждая величественная по-своему – три размашистых подписи.

«Приказ, – начал читать, беззвучно шевеля губами, Банов. – Приказываю настоящим провести в понедельник 13 сентября сего года во всех школах Союза Советских Социалистических Республик, включая школы дипломатических корпусов, консульств и торговых представительств, располагающихся за рубежом, единый учебный день по особой программе. Этот учебный день должен быть полностью посвящен написанию всеми учениками начиная с 3-го класса сочинений по одной из предложенных ниже тем. Время написания сочинения – шесть часов без перерыва. При необходимости это время можно удлинить. Директора школ и учителя обязаны проследить, чтобы отсутствующие по уважительным причинам ученики написали это сочинение в положенное время вне стен учебного заведения. Каждое сочинение пишется на отдельных сдвоенных тетрадных листках. На первой заглавной странице указывается ФИО ученика, номер класса и школы, домашний адрес и избранная тема. После окончания написания сочинения укладываются в папки поклассно и хранятся в кабинете директора школы под его личную ответственность, пока за ними не приедет посыльный Наркомпроса. Школьными учителями сочинения не оцениваются и не проверяются.

Приложение № 1: темы сочинений:

1. «За что я люблю свою Родину».
2. «Моя семья – строители коммунизма».
3. «О чем мечтает мой пapa».

Дочитав, директор Банов налил заваренного чая в свою любимую жестянную кружку, пересел на другую сторону стола, чтобы виден был ему портрет Дзержинского, и снова задумался.

Часы, висевшие рядом с портретом, показывали почти одиннадцать вечера. Надо было идти домой, но так не хотелось, и Василий Васильевич как мог растягивал свое вечернее чаепитие.

* * *

Наступило 13 сентября, понедельник. Заранее предупрежденные на учительском совещании педагоги пришли в этот день в школу опрятные и торжественные. Каждый стал у входа в свой класс и выдавал в руки ученикам тетрадные листы для сочинений. Темы еще с вечера были написаны крупными буквами на школьных досках.

Прозвенел звонок, и наступила в школе удивительная тишина.

Банов вышел из своего кабинета, подошел к одной закрытой двери, прислушался – там было тихо, как ночью. Подошел к другой – то же самое.

Все работали, все писали сочинения. Приказ Наркомпроса исполнялся, и, удовлетворенный этим, директор школы полез через чердачную дверь на крышу, чтобы посмотреть вокруг на изо дня в день растущую столицу.

Первым делом посмотрел он на многоэтажный дом, недавно, год назад, заслонивший одну из кремлевских башен. Сразу стало чуть грустно, ведь именно после этого перестал Василий Васильевич водить отличников учебы и поведения на крышу в воспитательных целях.

Потом директор школы осмотрел другие новостройки, видневшиеся вблизи и вдали, но они никаких мыслей в нем не вызывали.

Город шумел. По его улицам разноцветными жуками ездили машины.

По синему небу совсем недалеко, вероятно над Сокольниками, проплыл аэроплан.

Обычный день. Тихий, спокойный. В мирное время таких дней всегда – большинство в человеческой жизни. А в немирное...

Директор Банов вспомнил далекое немирное время и облизнул сухие губы. Возник в его мыслях странный, но совершенно правдивый вопрос: «Почему борьба интереснее, чем победа?» Возник, да так и остался неотвеченным, как какой-нибудь классический древнеримский парадокс.

А день продолжался. Во всех школах Советского Союза стояла тишина, и только иногда кто-нибудь из детей ойкал, перевернув чернильницу или случайно сломав перо. И спешил тогда к неудачнику учитель, спешил на помощь, чтобы как можно быстрее тот или та могли продолжить исполнение приказа Наркомпроса.

Василий Васильевич посмотрел на свои часы и задумчиво закивал головой. Сколько еще времени пройдет, прежде чем школа останется пустой, прежде чем все, и ученики, и учителя, и уборщицы, разойдутся по домам?! Три часа, четыре, пять? Банов очень любил свою школу. Но любил он ее, когда в просторных чистых коридорах не было ни души, когда в школе было тихо, когда в ее полумраке светились дежурным светом красные лампочки.

Незаметно для себя задремал директор Банов за столом, и перешла бы его дрема в глубокий сон, если бы не постучал кто-то настойчиво в дверь кабинета.

– Войдите! – крикнул Банов, усаживаясь за столом по-осанистей.

Вошел учитель младших классов Куприянов с синей папкой в правой руке.

– Разрешите отрапортовать! – обратился он к директору школы. – Сочинение в количестве тридцати трех штук третьим-А классом написано. Отсутствующих в классе не было.

Не успел директор школы задуматься о чем-нибудь, как в кабинет вошел с рапортом еще один учитель, потом еще один, и так длилось около часа с коротенькими перерывами, пока не наступило вдруг затишье. Только тогда, посчитав лежавшие в стопках на его столе папки с сочинениями, понял Банов, что его школа приказ Наркомпроса выполнила. Надо было еще, конечно, уточнить: сколько учеников писали сочинения вне стен школы и кто из учителей им помогал, но это дело было поручено завучу, бывшему матросу Кушнеренко, а на этого человека – Банов знал – можно было положиться.

Василий Васильевич заварил себе чаю, не спеша разболтал в жестяной кружке два кубика сахара. Придвинул к себе ближнюю папку, на которой было помечено «7-Б класс. 31 (тридцать одно) сочинение. Учитель Можайкин В. И». Развязал тесемочки, раскрыл.

Снова постучали в дверь, и директор школы машинально прихлопнул папку.

Вошел завуч.

– Товарищ директор школы, – заговорил он. – Разрешите отрапортовать. Из сорока двух учеников, находящихся вне школы, сорок один написал сочинение, которые здесь же прилагаются! – и он показал взглядом на папку в своих руках.

– А что ж сорок второй? – поинтересовался Банов.

– Врачи не разрешили… он в больнице с переломом позвоночника, без сознания…

Остальные, которые тоже в больницах, – написали.

– Ну хорошо, спасибо. – Директор школы кивнул завучу Кушнеренко. – Оставь папку и можешь идти! Там, кстати, ученики и учителя разошлись?

– Да, разошлись уже, – сказал завуч Кушнеренко. – Только Петровна осталась пока, полы на первом этаже моет…

– Ну, скажи ей, как домоет первый этаж, пусть домой идет. Сегодня переменок не было, так что сору не видно.

Хлопнула дверь, и гулко прозвучали, удаляясь по коридору, шаги завуча.

Банов снова открыл папку. Было ему любопытно: какую из трех предложенных тем чаще выбирали школьники. Просмотрел несколько заглавий. В основном встречались две темы: про любовь к Родине и о семье. Василий Васильевич немного удивился. Ведь ему показалось, что писать о мечте отца должно было быть полегче. Он перебрал пальцами еще десяток сочинений, и опять результат оказался тем же – только две темы. Это еще больше удивило, а может

быть, даже и озадачило директора школы. Отложив просмотренные, он взял в руки оставшуюся стопочку тетрадных листков и, проглядывая титульную страницу, откладывал их к уже просмотренным, пока взгляд его вдруг не остановился на том единственном пока сочинении, тема которого касалась мечты отца. Губы Банова улыбнулись, он отглотнул остывшего чая и раскрыл сочинение, однако первое же предложение сочинения убрало улыбку с лица директора школы.

«Папы у меня нет. И поэтому я пишу, о чем мечтала моя мама. Мечтала она раньше, а сейчас она уже не мечтает...»

Банов тяжело вздохнул – хотелось ему прочитать что-нибудь бодрое и боевое, по-настоящему мальчишечье, а тут в самом начале сочинения такая плаксивость!

Директор школы вернул свой взгляд на титульный лист.

«Роберт Ройд, 7-Б класс, домашний адрес: Москва, 2-й Казачий пер., дом 10/3, кв. 4».

– Ройд? – прошептал удивленный Банов.

Человек с такой странной нерусской фамилией встречался ему когда-то, во время войны. Это был рыжеволосый боец, любивший повторять, что он врожденный анархист. Родом он, кажется, был из-под Риги. Чем он еще запомнился? Пожалуй, одной только фразой, которую он очень любил повторять, как только видел Банова. «Банов, – говорил он. – Запомни, в жизни есть только два настоящих удовольствия: женщины и борьба». Глупая фраза. Банов никогда не был с ней согласен. Но что-то теплое шевельнулось в директоре школы, что-то связанное с лучшей частью его жизни, с его немирным прошлым. И он снова открыл сочинение семиклассника Роберта Ройда.

«Папы у меня нет. Поэтому я пишу, о чем мечтала моя мама. Мечтала она раньше, а сейчас она уже не мечтает. Потому, что она очень больная. А раньше она мечтала стать летчицей и полететь на Северный полюс. Еще она мечтала стать известной парашютисткой и бить всесоюзные рекорды. Но после того, как папу отравили и он умер, мама сказала, что больше не будет ни о чем мечтать, что все лучшее осталось в прошлом. И сказала, что прошлого не вернешь...»

Дальше Банов читать не стал. Упаднический характер сочинения ему очень не нравился – за такие настроения учеников может и директор поплатиться – все-таки он в ответе за воспитанников. Но сами выведенные детской рукой факты настораживали и на самом деле огорчали, хотя в правдивости их можно было и сомневаться, ведь дети очень любят фантазировать, притом фантазируют одинаково легко в обе стороны: и в веселую, и в трагическую. Во всяком случае, захотел директор школы посмотреть на этого мальчика. А вдруг он действительно сын того Ройда, и если это так, то надо было бы и про отравление узнать, если оно окажется правдой.

Около часа ночи ко входу в школу подъехал грузовик. На нем группа курьеров Наркомпроса собирала сочинения. Добрая половина кузова уже была заполнена разноцветными папками. Курьер с двумя помогавшими ему солдатами забрали папки и у Банова. Забрали и, попрощавшись кивками, но не человеческим словом, ушли. Директор не спеша спустился за ними, закрыл дверь и еще постоял недолго на первом этаже, пока не затих где-то за переулком двигатель грузовика. Потом он поднялся к себе, поставил чай, вытащил из ящика стола сочинение Роберта Ройда и переложил его в тяжелый несгораемый шкаф, стоявший в углу.

Во вторник сразу после уроков завуч Кушнеренко привел в директорский кабинет рыжеволосого мальчишку.

– Здравствуй! – громко поприветствовал его Банов, привстав из-за стола.

– Здравствуйте... – прошептал смущенный ученик, остановившись посередине кабинета.

– Ну, чего ты там стал, иди сюда, садись вот! – смягчил Банов голос, подумав, что слишком громко гаркнул вначале.

Завуч, подмигнув не к месту, вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Мальчик подошел несмело, опустился на стул.

– Так как тебя зовут? – спросил директор.

– Роберт...

– А меня Василий Васильевич. Так знаешь, Роберт, чего я хотел с тобой поговорить? – скосножычил не знавший, как начать разговор, Банов. – Хотел я с тобой про твое сочинение, в общем. Чай хочешь?

Мальчик отрицательно замотал головой.

– Ну что, на самом деле мамка ни о чем уже не мечтает? А? – спросил, напряженно глядя на лицо Роберта, директор школы.

– Не-е. Не мечтает...

– Ну а ты пытался мамке помочь? А? Ты-то сам как к этому относишься? Сам ведь мечтаешь наверное?

– Мечтаю, – признался мальчик.

– Ну а о чем ты мечтаешь? – поинтересовался Банов, радуясь тому, что разговор вроде налаживался.

– Хочу летчиком стать.

– Вот и хорошо. Я тебе вот что скажу. Если сейчас о чем-то мечтать – то наверняка все так и получится. Я вот мечтал конницей командовать, а видишь – директором школы поставили. Это потому, что было трудное время. А когда ты вырастешь, будет совсем другое время, и ты сможешь стать летчиком. Главное – верить. Понял?

– Ага. – Мальчик кивнул и первый раз посмелее посмотрел в глаза Банову.

– Ну а что там у тебя с отцом приключилось? – спросил вдруг Банов, стараясь изобразить на лице печальную серьезность.

– Отравили. – Роберт снова опустил глаза и уставился в поверхность стола.

– Кто?

– Старые большевики...

– Да не может быть! Откуда ты это знаешь?! – возмущенно удивился директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.